

Минский международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау
Дортмундский международный образовательный центр
Историческая мастерская ММОЦ имени Йоханнеса Рау

СПАСЕННАЯ ЖИЗНЬ: жизнь и выживание в Минском гетто

*пособие для учителей при проведении факультатива
“Великая Отечественная война советского народа
(в контексте Второй мировой войны)”*

Минск, 2010

УДК 329.18:179.8(476-25)(063)
ББК 607.409(иБел)
М62

Составители:

канд. филол. наук В.Ф. Балакирев, А.Н. Беланович, Фред Дорн,
канд. ист. наук К.И. Козак, Л.М. Левин, П. Юнге-Вентруп,
проф. М. Цабель

Рецензенты:

доктор ист. наук, профессор Э.Г. Иоффе
канд. пед.наук, доцент С.В. Панов
методист Осиповичского РОО Н.Л. Цыганок

Спасенная жизнь: жизнь и выживание в Минском гетто / составители: Балакирев В.Ф. [и др.]. — Минск: 2010. — 102 с.

Материалы учебного пособия для учителей представлены в форме исторического повествования о культуре памяти Холокоста в Беларуси. В качестве методического материала представлены интервью с бывшими узниками Минского гетто и Праведниками народов мира в Беларуси. В приложении — документальные свидетельства, личные документы и материалы, фотографии, список литературы.

Материалы предназначены для учителей истории, а также для студентов и школьников, всех, кто интересуется вопросами истории Холокоста.

УДК 329.18:179.8(476-25)(063)
ББК 607.409(иБел)

© Историческая мастерская
ММОЦ имени Йоханнеса Рау

Содержание

Введение	4
Мы нуждаемся друг в друге: контекст европейской культуры памяти – Мосты памяти в Беларуси и Германии	7
Раздел 1. Великая Отечественная война и Холокост в Беларуси	11
Формирование коллективной памяти трагедии Холокоста в Беларуси: свидетели, историки и их Историческая мастерская	11
Война и ее следы памяти: исторические экскурсии	13
<i>Отношение к евреям: формы и методы.</i>	13
<i>Территория смерти.</i>	14
<i>Итоги Холокоста.</i>	15
Новый исследовательский этап	16
<i>Еврейское антифашистское сопротивление.</i>	16
<i>Пассивная форма сопротивления.</i>	18
Раздел 2. Живые свидетельства	22
Послание свидетелей: разные подходы в изучении истории Второй мировой войны	22
Трейстер Михаил Абрамович	25
Семашко Раиса Кирилловна	37
Грайфер Иосиф Авсеевич	43
Соловьёва Надежда Андреевна	56
«Устная история» и интервью со свидетелями событий на занятиях историей	65
Пример вопросника для интервью со свидетелями Второй мировой войны	63
Дидактические предложения по работе с интервью и воспоминаниями	67
Раздел 3. Документы и материалы	70
Из сообщения № 20 оперативной группы «Б» о положении в Минске	70
Распоряжение полевой комендатуры о создании гетто в г. Минске	71
Протокол Ванзейской конференции, 20 января 1942 года	73
Депортация евреев из Кёльна в Минск / Тростенец 20 июля 1942 года	76
Сообщения полиции безопасности и СД	78
Справка Н.А. Коссого о массовом истреблении еврейского населения Минска	81
Акт жителей города Минска о расстреле населения Арктической, Беломорской и других улиц в сентябре 1943 г.	86
Транспортный график	88
Из справки начальника отдела Белорусской республиканской комиссии содействия в работе ЧГК СССР Г.Л. Логинова о массовом истреблении гражданского населения в окрестностях Минска в 1941–1944 гг.	90
Протокол осмотра местности массовых захоронений в районе еврейского кладбища г. Минска	91
Основные термины	95
Список публикаций по истории Холокоста в Беларуси	99

Введение

«

Историю приходится снова и снова переписывать заново не потому, что становятся известны новые исторические факты, а потому, что изменяется точка зрения наблюдателей».

Арнольд Дж. Тойнби «Ход мировой истории»

Это пособие для учителей дает в руки как учителям, так и школьникам материалы, с помощью которых они могут познакомиться с одним из важнейших аспектов белорусско-немецкой истории времен Второй мировой войны, получить об этом периоде интересную информацию и составить о нем свое собственное мнение.

Целью нападения германской армии на Советский Союз 22 июня 1941 года и вторжения на территорию тогдашней Белорусской Советской Социалистической Республики было не только получение доступа к расположенным далеко на востоке богатым полезным ископаемым, чтобы таким образом расширить и обезопасить территорию немецкого господства. Главная цель — претворение в жизнь решения об истреблении и уничтожении еврейской культуры и еврейской жизни вдали от территории немецкого Рейха и подальше от глаз немецкого народа. В областях, оккупированных германской армией и скрытых от мировой общественности, нацисты чувствовали уверенность в том, что запланированные преступления против человечества могут остаться безнаказанными.

В этих условиях неизбежным явилось и то, что население в оккупированных странах столкнулось с абсолютно новой ситуацией. Речь шла не только о том, чтобы каким-то образом найти понимание с могущественной оккупационной властью, организовать ей сопротивление или даже возможно с ней сотрудничать. Речь шла также о том, что надо было занять определенную позицию по отношению к планомерному и безжалостному истреблению и убийству еврейского населения в оккупированных областях. Таким образом, нееврейское население на оккупированных территориях было поставлено перед сложным выбором. Поэтому главной темой этого пособия является попытка осветить эту проблематику, поставить вопросы, что это значило для людей тогда и что это значит для нас сегодня, и поискать ответ на вопрос, как так могло случиться, что

- все белорусское население было подчинено преднамеренной дискриминации и селекции, которые сделали еврейскую часть населения жертвой немецкого оккупационного произвола, а

остальную часть населения поставили перед выбором: активно поддерживать режим, получая от этого выгоду; оставаться безучастными, или же сопротивляться ему;

- поведение нееврейского населения Беларуси зависело не только от индивидуальных решений, но и от его отношения к еврейскому населению, от ожиданий и опасений в отношении немецких оккупантов, от отношения к коммунистической власти;
- общая оценка групп, этносов, национальностей невозможна, а индивидуальные отношения и поступки групп необходимо оценивать очень дифференцированно;
- для формирования собственной оценки требуются глубокие знания документов, материалов и взаимосвязей, а также личная оценка непосредственно участвовавших в этом лиц, в которой историческая ситуация становится ретроспективно узнаваемой через призму собственных переживаний, которые, в свою очередь, имели определенные последствия как для самого человека, так и для его поведения в последующей жизни.

Для раскрытия этих вопросов пособие предлагает документы и материалы разного происхождения, срока давности, а также принадлежности. Оно содержит исторические документы, которые:

- касаются планирования и осуществления депортации, а также программы уничтожения как с точки зрения палачей, так и находившегося в их власти еврейского населения;
- показывают ситуацию в Минском гетто и концлагере Малый Тростенец;
- ретроспективно отражают опыт выживших свидетелей военных событий — как непосредственных участников, так и «праведников», т.е. людей, которые спасали евреев от верной смерти.

Учебная работа с документами и материалами требует различных подходов, некоторые из них представлены в пособии.

При этом учителю вместе со школьниками предстоит осмыслить следующие вопросы:

- Какие цели преследовали немецкие оккупанты?
- Как они действовали на оккупированных территориях?
- Как можно описать их отношение к местному населению — еврейскому и нееврейскому?
- Как вело себя в условиях оккупации белорусское население?

- Как выглядела жизнь заключенных в гетто?
- Было ли сопротивление в гетто и как оно формировалось?
- Какие следы уничтожения еврейской жизни во время войны существуют сегодня в Минске?

Авторы пособия понимают его как импульс к совместному осмыслению и совместным воспоминаниям, чтобы через них создать новую историю, в которой бы понимание немислимых событий, оценка связанных с этим безвозвратных человеческих, материальных и культурных потерь, изучение поведения непосредственно пострадавших от этого людей и понимание того, что все и всегда зависит от поведения отдельных конкретных людей, предостерегли бы молодых людей от соблазна принимать участие в подобных преступлениях в будущем.

*Петер Юнге-Вентруп,
управляющий делами Дортмундс-
кого МОЦ*

*Виктор Балакирев,
директор Минского МОЦ имени Йо-
ханнеса Рау*

**Мы нуждаемся друг в друге:
контекст европейской культуры памяти —
Мосты памяти в Беларуси и Германии**

Два человека, которые переступили 70-летний порог, много лет назад стали друзьями. Такое случается не часто, когда люди родом из двух разных стран и культур. В детстве один из них принадлежал к группе, которая презирала и преследовала народ другого. Архитектор из Беларуси и теолог из Германии — друзья и соратники. Они ведут совместную работу. Они строят мосты примирения и взаимопонимания. Они встретили друг друга в Международном образовательном центре имени Йоханнеса Рау в Минске. Это совместное немецко-белорусское предприятие является символом возведения моста между народом преступников и народом, на который напали и который понес большие потери. Историческая мастерская на территории бывшего гетто является аутентичным местом памяти для будущего. Потребовалось много времени, чтобы этот дом наполнился новой жизнью. Во время этой работы и сблизились два этих человека. Во время взаимных визитов семей и совместных поездок с блокнотом и фотоаппаратом они находили все новые и новые совместные интересы и совпадающие взгляды. Так выросли дружба и знание об истории народов, из которых они происходили.

Война, в которой народ Советского Союза воевал против грабительского похода, и война на уничтожение немецкой армии до полного поражения врага, врезалась в коллективную память обоих народов. Над могилами отцов следующими поколениями будут построены мосты взаимопонимания. Возведение мостов — это искусство и в то же время тяжелая работа. Оно содействует также созданию мостов между людьми. Пример для многих — встреча бывшего солдата германской армии, которому приходилось охранять железнодорожные пути между Брестом и Минском, с бывшей партизанкой, которая взрывала эти пути и пускала поезда под откос.

Сколько работы в умах и сердцах предшествовало этой встрече? Какое же это искусство, найти общий язык, слова, жесты и знаки примирения.

Ничто не забыто, но будущее мы сможем построить только совместно, и это объединяет людей в Беларуси и Германии. Таким образом, мы идем по дороге нашего совместного пути.

В течение семидесяти лет жизни мы переживали разные пери-

оды: дети на войне, молодежь после войны, студенты во времена «холодной войны» между блоками государств, и вот мы оказались в Европе, где границы теряют свою разделительную функцию. Потребовалось много времени для того, чтобы построить мосты. В эти периоды «менялась и точка зрения наблюдателей».

В Германии именно христиане были теми людьми, которые уже в 1945 году от имени всего народа признали в Штутгарте свою вину и сказали: «Мы обвиняем самих себя!» Однако большинство немецкого народа не думало так. Оно было занято борьбой за выживание в разрушенных городах и жаловалось по поводу крушения немецкого Рейха. Долгие годы люди в Германии не умели «скорбить и сопереживать». Они стремились забыть и вытеснить из памяти то, что они пережили и сделали. Это продолжалось почти 40 лет, пока не воцарился новый образ мыслей. Все больше немцев осознавало, что «поражение было одновременно освобождением» (Федеральный Президент фон Вайцзекер, 1985). Немцы также были освобождены в результате победы союзников 8 мая 1945 года, и эта точка зрения сделала возможной новую политику взаимопонимания. Задача «примирения с народами Советского Союза» определяла политику взаимопонимания в Европе многих групп гражданского общества. Историки констатировали, что с самого начала нападение Германии на Советский Союз было спланировано и осуществлялось как грабительская компания и война на уничтожение народов со стороны «арийской расы господ». При этом игнорировались все конвенции по ведению войны. Предстояло поработить славянские народы, а евреев уничтожить. Массовые убийства не были делом недисциплинированных солдат, а были спланированы на государственном уровне и осуществлены спецподразделениями по приказу немцев.

В этом участвовал весь народ, а не только кадровые военные и полиция. Все это было признано в качестве разрыва с цивилизацией и большой вины. «Мы обвиняем самих себя...!» Было трудно объяснить людям это запоздалое признание. Такая самокритика выглядела вначале для некоторых как «поливание грязью своих близких». Сегодня мы понимаем, что эта работа по сохранению памяти о войне продвинула наше общество вперед. Мы стали не слабее, а более чуткими и сильными благодаря осознанию того, что многие были виновны, что большинство просто наблюдало, а некоторые обладали гражданским мужеством в те 12 лет. Если мы будем помнить об этом, то мы сможем работать ради нашего лучшего будущего.

В Беларуси сохраняется память о победе над фашизмом. Уже во времена Советского Союза были установлены военные памятники

во многих местах. Большинство из них соответствует традициям социалистического реализма. Традиция героизации солдат из года в год бережно сохраняется в партизанской республике. Ветераны окружены большим вниманием. Но это только одна из сторон нашей культуры памяти. Она имеет право на существование, но нуждается в дополнении.

Гигантская масса памятников может подавить посетителей. И существует опасность забыть ту трагедию, которая предшествовала победе над фашизмом. Прошло почти 40 лет, прежде чем воцарился новый дух. Начало ему положила архитектура памяти.

В мемориальном комплексе «Хатынь» военные события раскрыты на примере конкретной деревни, домов на том месте, где они стояли, места сожжения, места, где были похоронены погибшие, и на примере одного человека, который выжил. Посетитель переживает трагедию непосредственно на месте, куда он приехал.

В других местах с похожей архитектурой памяти, таких, как «Яма» в Минске, в Городец или Красном Береге, с посетителями происходит нечто подобное. В центре стоит человеческая трагедия. В этом и состоит сущность культуры памяти, когда существует общее понимание войны как трагедии. Долгое время считалось, что на первом месте должна находиться победа Советской Армии, трагедия была на втором плане. Ведь все были участниками трагедии с многочисленными человеческими жертвами, детскими жертвами. Сейчас часто вспоминают и о ранее забытых жертвах войны, а историки более дифференцированно подходят к ним. Через повествования свидетелей войны, ветеранов, бывших принудительных рабочих, узников концентрационных лагерей и гетто читатель познает опыт повседневной жизни тех лет: в Беларуси была героическая борьба народа и жестокие убийства людей немецкими солдатами и полицией. Но были также и военные, которые во время войны сохранили свою гуманность. А были и коллаборанты, которые предавали своих еврейских соседей ради денег. В хаосе за линией фронта было и то, и другое: бесчеловечность и акты гуманизма. Праведники народов мира жили во время войны рядом с военными преступниками. История военной трагедии имеет много аспектов. Это иногда забывается во время празднования Дня Победы.

Почему же ученики должны познакомиться с этой историей на школьных уроках?

Но альтернативой может быть только забвение... А разве это было бы хорошо?

Только тот, кто знает прошлое, может идти вперед. Поэтому без культуры памяти не исключена опасность повторения трагедии.

А это два человека усвоили за более чем 70 лет

Вина поколения отцов не передается по наследству. Дети преступников и дети жертв войны знают, что Европа сегодня намного больше объединена, чем при их отцах. И поэтому хорошо, что культура памяти изучается в школах Беларуси и Германии, которая означает больше, чем просто празднование победы и признание поражения, которое было освобождением. Лишь таким образом будущие поколения могут и должны быть избавлены от трагедии войны и смогут служить делу мира.

*Леонид Левин,
председатель Союза белорусских
еврейских общественных объедине-
ний и общин*

*Манфред Цабель,
председатель общего собрания учас-
тников Минского МОЦ имени Йо-
ханнеса Рау (Германия)*

Раздел 1. Великая Отечественная война и Холокост в Беларуси

Формирование коллективной памяти трагедии Холокоста в Беларуси: свидетели, историки и их Историческая мастерская

Прошло более 65 лет после завершения Второй мировой войны. Около трети населения Беларуси погибло, а из почти миллионного состава еврейского населения — более 700 тыс. Возвратились с Победой солдаты, партизаны, подпольщики. Вернулись и насильно угнанные принудительные рабочие, бывшие узники концентрационных лагерей, гетто, военнопленные. Многие из них потеряли своих родных и близких. Немало осталось без крова.

Непросто складывалась история войны — история борьбы и противостояния. Враги надолго оставались в памяти. Напоминанием служили первые памятники-обелиски не вернувшимся с войны. Образ женщины-матери в ожидании застыл на постаменте. По другую сторону те, кто сотрудничал с германскими оккупационными органами: полицейские, коллаборанты, солдаты СС. К ним примкнули и те, кто не смог героически умереть, оказавшись пленными, принудительными рабочими. Они не заслужили — и их не встречали как героев. После войны они замолкли о своих страданиях и это было долгое молчание.

Все же свидетели пробовали рассказать о своем прошлом. Одним из первых о Холокосте, Минском гетто и сопротивлении германским оккупантам рассказал бывший узник Минского гетто Гирш Смоляр. Его книга «Мстители гетто» вышла в 1947 году. Практически одновременно, стараниями выживших в гетто, на «Яме» — месте массового захоронения в Минске, был в 1946 г. воздвигнут памятник. Это были первые слова на идиш о погибших евреях.

Еще одни узники лагеря смерти Освенцима Надежда Цветкова, Зинаида Лишакова, Анна Тринда для живущих представили в 1958 году свои размышления. Но и после этого — долгое молчание. Историки были увлечены героизмом. Было так много таких примеров на фронтах и во время оккупации. Так, с одной стороны возник образ оккупанта и его жертвы, а с другой — руководящие силы советского народа в Великой Отечественной войне. Книги Лаврентия Цанавы о всенародном партизанском движении в Беларуси за 1949 и 1951 гг. получили наивысшее признание и Государственную премию. Однако в них нет слов о трагедии евреев.

Начало исследовательского пути. Сначала американские, английские, а затем и немецкие историки в трагедии Второй мировой войны определили основные аспекты деятельности Германии на востоке:

- руководство немецкого рейха планировало войну против СССР с целью политического господства, идеологического расового геноцида в отношении советского населения;
- одна из составных частей расовой и идеологической войны на уничтожение против Советского Союза была идея массового убийства советских евреев;
- отдельным направлением стало массовое убийство советских военнопленных.

В Беларуси, вследствие политических изменений в общественной жизни, с 1991 г. новым явлением стала разработка военной еврейстики. Однако, узкий круг историков и исследователей не в состоянии был комплексно отразить вопросы истории Холокоста в Беларуси. Идея Дортмудского международного образовательного центра о создании белорусско-немецкого сообщества, способного объединить такие усилия, нашла отражение в формировании первой на постсоветском пространстве Исторической мастерской. Ее открытие в 2003 году — в день сожжения Хатыни, воплощено в формировании творческих групп историков, налаживании диалога между жертвами войны и молодым поколением.

Понимая, что основополагающее значение для истории Холокоста имеет точка зрения его жертв, был начат сбор воспоминаний, документов, фотоматериалов. Более 500 таких жизнеописаний составили основу формирования необычного архива. Ведь рассказы отдельных лиц, переживших войну, важны вдвойне — они не только живые свидетели событий, но и носители уникального мироощущения: многих из них не покидало чувство полной изолированности от всего населения в целом. Уже в 2004 г. вышел первый выпуск воспоминаний бывших узников. Сейчас их шесть. Особенно интересны работы бывших узников Минского гетто Михаила Трейстера, Галины Давыдовой, Симы Марголиной, Майи Крапиной и др.

Война и ее следы памяти: исторические экскурсии

Исходные пункты оккупации. В предвоенный период на территории Беларуси проживало около 7,9 млн. белорусов, 940 тыс. евреев, 930 тыс. поляков, 590 тыс. русских, 160 тыс. украинцев, 90 тыс. литовцев, 6,5 тыс. немцев. Только 150–180 тыс. евреев в июне — августе 1941 г. смогли выехать в тыл СССР. Таким образом, по некоторым данным в Беларуси проживало 650–680 тыс. евреев, из

которых 570 тыс. в городах. Кроме этого, спасаясь от нацистского преследования, многочисленные группы евреев из Польши, (110 тыс. беженцев) оставались на территории Беларуси.

Немецкая карта города Минска 1942 г.

Отношение к евреям: формы и методы. Их истребление германскими оккупационными властями началось уже на первом этапе. По прибытии в Минск комендант Беларуси и штаба вермахта в Остланде отметил две важных проблемы: поляки и евреи. Для этого необходимо было для евреев в районе Бреста – Минска создавать гетто. Уже в первом административном распоряжении от 7 июля 1941 г. командующий тыловыми армиями группы Центр Макс фон Шенкендорф среди прочих установил знаки отличия для евреев и евреек. К ноябрю 1941 г. часть еврейского населения уже была расстреляна силами вермахта. Да и модель организованного поведения части населения планировалась различными германскими политическими и военными ведомствами на якобы сознательное антиеврейское проявление. Им это удавалось осуществить в странах Европы, а также в Польше, Западной Украине, Литве, Латвии и др. Однако в Беларуси германским органам не удалось спланировано провести еврейские погромы. Население стремилось быть в стороне от осуществляемой политики уничтожения, сострадало и симпатизировало евреям. И тогда – массовые акции, тюрьмы, гетто, душегубки и лагерь смерти Тростенец.

Территория Минского гетто 1941–1943 гг.

Территория смерти. Как правило, территория гетто было ограждена. Входы обозначались на главных местах. Для урегулирования технических вопросов назначались уполномоченные представители еврейского Совета (юденраты), создавалась еврейская охранная служба, вооруженная дубинками, палками. Их управление осуществляли немецкие коменданты — начальники гетто. Всего на территории Беларуси по некоторым данным историков действовало 238 различных гетто в 216 населенных пунктах (включая Белостокскую обл.). Временные рамки их различные: от одного-двух месяцев — до более двух лет.

В этом преступлении, кроме немецких подразделений, принимали участие и полицейские формирования Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, а также российские и белорусские коллаборанты. Процедура уничтожения осуществлялась как внутри гетто, так за его пределами. В итоге, последнее в Беларуси и всей восточной части СССР, Минское гетто было окончательно ликвидировано 21–23 октября 1943 г.

Наиболее распространенным явлением в гетто стало выявление лиц, не носивших латы, как нарушителей германского порядка, саботажников и активистов. Для обеспечения безопасности в домах и квартирах обустраивались подвалы, чердаки, потайные места

(малины). Немало примеров, когда для спасения всей группы укрывшихся в малинах матери крепко прижимали детей, а те задыхались. Пытаясь спасти своих детей, нередко евреи отдавали их знакомым и даже незнакомым вне гетто. Часто в нарушение директив солдатами и офицерами проявлялись человеческие чувства. Однако это не могло изменить положения в отношении евреев. Практически только 3—8 тыс. смогли сохранить жизнь.

Памятник жертвам Минского гетто. Тучинка. Минск, 2008 г.

Итоги Холокоста. Таким образом, в городах Беларуси фашисты уничтожили более 700 тыс. евреев. Их формы уничтожения были разнообразны. В основном, в местах наибольшей концентрации — гетто. Так, в Минском гетто было проведено более 10 дневных и ночных погромов. Во время первого 7—8 ноября 1941 г. было уничтожено по разным оценкам от 8 до 12 тыс. Самым массовым стал погром 28—31 июля 1942 г., когда были оставлены только специалисты для военного производства.

В ряде мест германским органам приходилось проводить операции в условиях восстаний в гетто Клецка (22.07.42), Несвижа (17.07.42), Мира, Лахвы Лунинецкого района (3.09.42), а также сопротивления в Глубоком, Кобрине, Новогрудке. Для интенсивности ликвидации вывозили в другие лагеря смерти.

Проводимые пачификации способствовали тому, как свидетельствует один немецкий служащий, что в глазах населения немцы выглядели «варварами и палачами», а евреи «уважались за таких самых, как и беларусы».

Багаж депортированных евреев на территории зондергетто («Белый» дом на ул. Сухой). Минск, 1941 г.

Уничтожение евреев Западной Европы в Беларуси. Еще одной значимой характеристикой нацистского режима является уничтожение на территории Беларуси евреев из Западной Европы. Вывезенные из Германии, Австрии, Чехии и других стран в 1941–1943 гг. они были уничтожены в Минском

гетто и Тростенецком лагере. Так, 8 ноября 1941 г. был отправлен первый транспорт из Гамбурга в направлении Минского зондергетто. До конца 1941 г. прибыли эшелоны из Германии, Австрии и Чехии. Всего в 27 транспортах было депортировано около 26,5 тыс. чел. В лагерь привозили также из Минска: гетто, тюрьмы на Володарской, концлагеря на ул. Широкой, шталага 352. Как правило, они сразу подлежали уничтожению. Всего в Тростенецком лагере по некоторым данным из 206,5 тыс. погибло не менее 20 тыс. иностранных евреев и около 60 тыс. евреев в Беларуси.

Новый исследовательский этап

Еврейское антифашистское сопротивление. Многие генералы вермахта рассматривали еврейское население как военную угрозу безопасности. Евреи, считали они, являлись сторонниками большевистского государства, повстанцами, убийство которых неоднократно приветствовалось, так как вместе с ними уничтожалось в зародыше возможное сопротивление оккупационной власти. «Там, где есть евреи, есть партизаны, где есть партизаны, есть евреи», — сообщалось в директиве группы армий «Центр» о борьбе с партизанским движением в сентябре 1941 г. Действительно, еврейское партизанское движение стало составной частью общего белорусского движения. Часть евреев вступала в местные отряды, где большинством были местные жители, бывшие военнослужащие или военнопленные из близлежащих лагерей. Другая — постепенно формировалась вокруг наиболее боевых еврейских групп, затем отрядов, постепенно вовлекая под свою защиту еврейских женщин, детей и престарелых родителей. Семейственность стала одним из основных признаков таких структур. Однако, такое состояние не было постоянным. И если на первом этапе — еврейская группа, отряд, то через некоторое время, после крупных блокад, планируемых и про-

веденных боевых операций, их ослабленные силы переходили под защиту более сильных формирований в другие районы дислокации.

Таким образом, они переставали быть чисто еврейскими. В данном направлении свою роль сыграли и вводимые решения, приказы, меры руководящих партийных органов по дальнейшему организационному и национальному строительству антифашистских формирований. К таким, прежде всего, можно отнести отряд им. Г.К. Жукова (Баранов. соедин.), им. М.И. Кутузова (Минское соедин.) и др.

Всего в партизанах, по неполным данным, значится около 12 тыс. евреев, около 1,5 тыс. входили в состав спецгрупп, которые засылались на оккупированную территорию Беларуси в первые месяцы войны, а также воевали в особых диверсионно-разведывательных партизанских отрядах по линии наркоматов государственной безопасности СССР и БССР, наркоматов внутренних дел СССР и БССР, генерального штаба Красной Армии, а также около 500 евреев — выходцев из Литвы. Всего на территории Беларуси сражались не менее 14 тыс. евреев.

«Яма». Памятник жертвам Минского гетто на месте акции массового уничтожения евреев 2 марта 1942 г. Минск, 2008 г.

Значимые показатели имела и подпольная деятельность в оккупированных городах и деревнях Беларуси. При помощи диверсий

и одиночных актов наносился урон как живой оккупационной силе, так и технике. Среди таковых Минское городское подполье во главе с Исаем Казинцом. В числе активных подпольщиков и организаторов в Минском гетто были Михаил Гебелев, Хася Пруслина, М.И. Батулин, А.А. Езубчик и др.

Пассивная форма сопротивления. В условиях оккупации Минск был наводнен агентурой абвера, полиции безопасности и СД. Аресты, глубокая конспирация, переход на легальную форму борьбы в составе партизан. Члены Минского подполья выводили из гетто боеспособных евреев. Всего в рядах антифашистского подполья Минска — свыше 300 евреев. Невооруженное сопротивление оккупированного населения Беларуси было массовым и не менее эффективным, чем другие виды. В его коллективизации действий есть глубокие внутренние мотивации в:

- полном, частичном или первичном отказе от выполнения директив, приказов, решений оккупационных органов;
- сокрытии информации от оккупационных органов о фактах антигерманских настроений;
- отказе в помощи германским органам по выявлению евреев, бывших активистов советской власти;
- оказании практической помощи узникам гетто (предоставление временного убежища, изготовление документов, снабжение одеждой, питанием и др.);
- временном или постоянном укрытии в собственных жилищах и сохранении жизней еврейским семьям, особенно детям;
- отсутствию в гражданской среде националистических проявлений, которые снижали антиеврейские, антирусские, антипольские проявления, всячески пропагандируемые германскими оккупационными органами;
- выработке позитивных коллективных настроений о скором освобождении;
- переходе к более значимой вооруженной деятельности.

Наиболее значимой формой сопротивления стал уход из гетто. Так, в Мире удалось уйти более чем 200 узникам. В Лахве, где 2,5 тыс. узников, нападение на одного из карателей закончилось удачей и послужило началом восстанию. При наведении порядка охраной гетто расстреляно около 1950 человек, однако около 600 удалось бежать, а 150 из них стали партизанами.

При этом, с одной стороны, такие формы германскими органами воспринимались как скрытое сопротивление, с другой, нередко, часть населения на пути к массовой вооруженной борьбе попадала в категорию паникеров, трусов и даже пособников германского

рейха. О непростом положении может свидетельствовать ситуация в отношении жителей, спасавших евреев. Лишь в конце 1990-х годов появляются книжные издания об их героизме. В честь жителей д. Поречье Пуховичского района, которые принимали участие в спасении около 40 еврейских детей из Минска, благодаря усилиям спасенных в 2001 г. был открыт первый памятник Праведникам в Беларуси.

Материальная культура памяти.

Начиная с 1946 г., когда в Минске был воздвигнут первый в СССР памятник погибшим евреям ("Яма") с надписью на идиш "Евреям — жертвам нацизма", Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко в 1997 г. впервые возложил венок на «Яме», а в июле 2000 г. выступил с речью при открытии мемориального комплекса. Там же в 2008 г. Президент сформировал новый под-

Памятник подпольщикам Минского антифашистского подполья (Кириллу Трусу, Владимиру Шербине и Маше Брускиной)

ход к истории Холокоста. К 65-летию трагедии Минского гетто в городе было открыто 4 памятника (жертвам в Тучинке, Минского гетто — на месте четырех массовых захоронений более 5 тыс. чел., бывшего еврейского кладбища, на месте казни «неизвестной» Маши Брускиной).

Таким образом, в Минске зона памяти Минского гетто включает бывшее еврейское кладбище с установленными там шестью Камнями памяти из Германии и Австрии. Восстановленный в ходе реализации белорусско-немецкого проекта дом на территории бывшего Минского гетто на улице Сухой, 25, как и подвал соседнего строения, где на протяжении 9 месяцев 1943—1944 гг. нашли убежище 26 евреев (выжило только 13) — стал историко-культурным центром в столице и во всей Беларуси. Участниками многочисленных образовательных программ стали более 50 тыс. человек из 40 стран мира. Клубы военных, молодых историков, историков-германистов, Краеведческая школа стали центром диалога между молодым поколением и свидетелями войны. Тут ежегодно проводятся семинары, круглые столы, конференции, в том числе первые в истории Беларуси Международные конференции о Минском гетто (2003) Праведниках народов мира (2009). Раскрывая новые стра-

Памятная плита и улица с именем одного из организаторов Минского антифа-шистского подполья Михаила Гебелева. Минск, 2008 г.

ницы истории Второй мировой войны, было издано 24 сборника материалов, открыто более 20 художественных и творческих выставок, осуществлен ряд белорусско-немецких проектов, созданы архив и библиотека.

Белорусский и европейский контекст истории Холокоста После выступления Президента Республики Беларусь на мемориальном комплексе «Яма» 20 октября 2008 г. внимание общественности к проблеме Холокоста значительно возросло. Немаловажную роль сыграли и статьи газеты «Советская Белоруссия». Стало очевидным в образовательных и культурных сферах учи-

тывать, что Холокост есть национальная трагедия Беларуси, евреи не только погибали, но и сражались против оккупантов. Мемориализация мест памяти жертв Холокоста должна найти свое место в представлении памятных мест Тростенца, ранее неизвестный образ уничтоженной оккупантами девушки во время публичной казни в Минске 26 октября 1941 г. — Маша Брускина. Значимым стал вывод о вкладе в победу простых белорусов, которые, рискуя своей жизнью, спасали евреев от нацистского уничтожения.

Таким образом, наряду с положительными формами представлений об истории Холокоста, заметна тенденция критического осмысления ее историографии, в т.ч. Минского гетто и лагеря смерти Тростенца. Наблюдается расширение информационной и проблемной стороны во-первых, во-вторых — осмысление немалого числа введенных в научный оборот чисто авторских представлений о геттоизации населения Беларуси. Снижает уровень и отсутствие полных списков жертв, широкое документирование трагедии Минского гетто.

Для понимания истории Холокоста в Беларуси важны и документальные свидетельства, которые хранятся в многочисленных до-

кументальных комплексах Германии, США, Израиля, Польши, России, Украины. К сожалению, отсутствие мемориального центра по истории Холокоста в Беларуси в немалой степени сказывается на уровне академических белорусских изданий по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, где такая важная информация о смерти и выживании периода германской оккупации отсутствует.

Тем не менее, важные сведения о Холокосте содержат воспоминания и интервью со свидетелями военных событий, что является важным направлением в работе Исторической мастерской. Некоторые из них мы и представляем в этом пособии.

Литература:

1. **Дин М.** Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944. Спб.: академический проект, 2008. — 268 с.
2. **Идти по грани...** Архитектура как мост между прошлым и настоящим в творчестве Леонида Левина. Под ред. Астрид **Зам.** Минск, 2008. — 66 с.
3. **Иоффе Э. Г.** Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945. Минск, 2003. — 428 с.
4. История Холокоста на территории Беларуси. Библиографический указ. / сост. И. П. **Герасимова**, С. М. **Паперная**. Витебск, 2001. — 104 с.
5. **Смиловицкий Л.** Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000. — 432 с.
6. Увековечивание памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг.: док. и материалы / сост.: А. **Адамушко** и др. Минск: НАРБ, 2008. — 304 с.: ил.
7. Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И.А. **Альтман**. М.: Российская политическая энциклопедия: Научно-просветительный центр «Холокост», 2009. — 1143 с.

Кузьма Козак

Раздел 2. Живые свидетельства

Послание свидетелей:

разные подходы в изучении истории Второй мировой войны

Сегодня события Второй мировой войны для современных школьников становятся все больше историей из учебников. Однако тема Холокоста в Беларуси приобретает новое звучание с помощью перспективы жертв и выживших в этой трагедии людей. Эта перспектива, где в центре стоит не столько преступная нацистская программа уничтожения европейских евреев, а в первую очередь опыт и воспоминания тех, на кого эти преступления были направлены. Этот опыт и эти воспоминания не отражаются в официальных документах. Именно на это и были направлены усилия нацистов: не оставить ни малейшей возможности своим жертвам рассказать о преступлениях против них. Даже после окончания войны те, кому удалось выжить, продолжали молчать. Поэтому сегодня такие свидетельства переживших трагедию Холокоста имеют неоценимое значение.

Важность свидетельств выживших жертв связана и с тем, что долгое время после войны преступники отрицали свою вину и оспаривали свои преступления перед судом и в глазах общественности. Жертвы не хотели говорить об этих преступлениях из-за чувства страха и стыда. Так как правдивость их свидетельств затрагивает «непосредственный и неотъемлемый телесный опыт» (Aleida Assman) тех, кто на себе прочувствовал и пережил Холокост.

Благодаря представленным в этой книге свидетельствам очевидцев тех событий читатели, школьники становятся сами свидетелями. Тем самым мы препятствуем тому, к чему стремились преступники: неизвестности, замалчиванию и безнаказанности за совершенные преступления.

Благодаря тому, что эти свидетельства становятся известными и доступными читателям:

- правда о преступлениях не будет искажаться и замалчиваться,
- возникает «моральное сообщество» для того, чтобы перенять ответственность,
- пробуждается интерес самостоятельного исследования масштаба и причин нацистских преступлений.

Воспоминания свидетелей содержат в себе правдивое повествование, которое исходит от тех, кто на своем собственном теле ис-

пытал и пережил ужасы войны. Само тело отражает на себе историю, и поэтому оно является неопровержимым свидетельством происходящего. Однако в то же время эта правдивость несет в себе субъективность: стертые, смазанные, усиленные, обостренные, затемненные за долгие десятилетия молчания и утаивания собственные воспоминания. В свою очередь на это накладываются и дополняются опыт и воспоминания других людей.

Для тех, кто посредством знакомства с воспоминаниями со свидетелями сам становится свидетелем, необходим определенный уровень знаний. Они должны знать, как понимать то или иное событие, почему такое стало возможным и как к этим событиям относились другие люди, какие были последствия. Ответы на эти вопросы раскрываются в личных воспоминаниях свидетелей.

Во **Втором разделе** этого пособия находятся интервью с Иосифом Грайфером и воспоминания Михаила Трейстера, которые пережили Холокост. С помощью этих свидетельств рассматривается реальность преступления национал-социалистов с точки зрения узников Минского гетто. Ставится вопрос о жизни и выживания человека с перспективы молодых людей, судьбу которых изменила война. Иосиф Грайфер и Михаил Трейстер вспоминают о своем детстве, которое разрушили национал-социалисты, описывают жизнь в условиях постоянной угрозы страха и голода. Они рассказывают о сплоченности людей в гетто, их отчаянных попытках спастись и о том, как погибали невиновные. Они стали взрослыми, вместо того, чтобы быть подростками. Им повезло остаться в живых и после войны создать семьи, и они смогли вести нормальную жизнь, несмотря на то, что им довелось пережить, они не сломаны, они делятся своей жизненной мудростью с читателями.

В пособии также представлены интервью и воспоминания двух женщин, Праведниц народов мира — Надежды Соловьевой и Раисы Семашко, мужество и сила воли которых восхищает. Они помогали и спасали человеческие жизни, не считая это героизмом.

Читая эти истории, ученики смогут представить себя в такой ситуации. При этом они поставят вопросы о причинах этих событий. Как это стало возможным?

Читая воспоминания свидетелей, важно обратить внимание на стратегии поведения тех, кто непосредственно был свидетелем военных событий, но мог и не быть в положении жертвы:

- Как они себя вели, что знали?
- Оказывали ли сопротивление?
- Помогали ли тем, кто попал под преследование?
- Сотрудничали ли с немцами?
- Что об этом знают и что рассказывают про это документы?

Документы, напечатанные в **Третьем разделе** учебника дают ответы на поставленные вопросы:

- Каким образом нацистское руководство пришло к решению уничтожить еврейское население, еврейскую культуру и жизнь в Европе?
- Как это преступное намерение было спланировано, организовано и осуществлено?

Ответы на эти вопросы преимущественно дают нацистские документы, которые приводятся в заключении. Отрывок из протокола Ванзейской конференции делает понятным тот факт, что речь шла о плане уничтожения и организации преступления против человечества на самом высоком государственном уровне. Отрывок текста из работы немецкого историка Дитера Корбаха показывает на примере евреев из Кёльна, каким образом происходила депортация немецких евреев на Восток. Последующие тексты раскрывают проблемы и противоречия, с которыми столкнулись немцы во время осуществления их планов. Подбор документов призван завершить общую картину организованной программы уничтожения и показать преступный характер национал-социализма.

Познакомившись с представленными источниками, которые показывают политику уничтожения европейских евреев с разных перспектив, читатель получит более наглядную картину тех событий, которые до сегодняшнего времени волнуют размером трагедии.

Для того чтобы сохранялась память об этих преступлениях против человечества, призываются все, кто сам теперь станет свидетелем с целью:

- понять и осознать ситуации и чувства бессилия, смелости, отчаяния, ужаса, которые пережили свидетели военных событий;
- восстановить в коллективной памяти и поместить в политический, социальный и исторический контекст опыт свидетелей, связанный с унижением и лишением человеческого достоинства;
- засвидетельствовать историческую правду и защитить ее от забвения;
- признать Холокост фундаментальным пренебрежением ценности человеческого достоинства и жизни;
- выступить в защиту важности прав человека и ценности человеческой жизни.

Фред Дорн

Трейстер Михаил Абрамович

07.05.1927, г. Витебск. Бывший узник Минского гетто, партизан еврейского отряда № 106. Образование высшее. Председатель Белорусского общественного объединения евреев - бывших узников гетто и нацистских концлагерей, вице-президент Международного союза евреев — бывших узников фашизма. Автор книг «Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации», «Матрейки» и ряда публикаций в прессе Беларуси, России, Израиля.

Моя семья. Мои родители, Абрам Самойлович Трейстер и Рахиль Хоновна Пастернак, поженились в 1915 году. После придвинских местечек была Украина, охваченная гражданской войной, петлюровские погромы, несколько лет жизни в Сумах, где родились старшие братья: Илья (1917 год) и Соломон (1919 год). Потом был Витебск. Там на свет появились сестра Анна (1924 год) и я (1927 год). В Витебске отец работал главбухом на одном из заводов. Вероятно, считался хорошим специалистом, так как в 1928 году его перевели в Минск на должность главного бухгалтера треста, объединявшего все заводы республики. Умер он в 1938 году в возрасте 48 лет.

Дома всегда чисто и спокойно, никакой ругани, никаких воплей. А когда отец приходил с работы и садился за стол (в одной руке ложка, в другой газета), дом затихал, и не потому, что боялись, а просто понимали, что человеку надо перевести дух. Эти спокойные отношения так и остались основным воспоминанием и итогом семейного воспитания. При мне родители ни разу не повысили голос друг на друга. Нам порой доставалось, но без рукоприкладства и всегда за дело.

В доме — хорошая библиотека, из которой я почти полностью перечитал собрания Джека Лондона, Жюль Верна, Герберта Уэллса. Из всего прочитанного, особенно из Джека Лондона, усвоил главное — человек может все. Возможно, это и помогло пережить войну.

Война. В начале войны старший брат эвакуировался с военным заводом, средний был на фронте, мы с мамой и сестрой оказались на оккупированной территории.

Два дня идет война. Полдень 24 июня 1941 г. Мы дома. С нами мой друг Юра Скуратович (в 1944 г. после освобождения он был призван и погиб в первом же своем бою).

Небо потемнело от армады самолетов. Юра насчитал 50.

Мы легли на пол в спальне, сунув головы под кровать (это, между прочим, нас и спасло). В голове, под кроватью, какая-то бравурная мелодия, вроде «броня крепка и танки наши...», и горькое сожаление, что война окончится без моего участия.

Бомбы ложатся все ближе. Дом ходит ходуном. От предпоследней вылетели все стекла: наклейки не помогли. Последней бомбы не услышал. Сколько минут или часов пролежал, не знаю. Очнувшись, задыхаясь от печной пыли. Все ломит и болит, но руки, ноги и, главное, голова при мне. Как-то удалось выбраться из-под обломков печи. Но Боже! Надо мною ни потолка, ни чердака — чистое июньское небо и мертвая тишина (слух вернулся только вечером). Из-под развалин торчат три пары ног. Стал откапывать. Потом все очухались, помогли сами себе. В синяках и ссадинах, но живые.

Так 24 июня для меня началась настоящая война. Четыре дня в городе полное безвластие. Люди грабят магазины, склады, предприятия. Даже мне достался ящик туалетного мыла.

28 июня. В городе немцы. На складах поставили часовых. На заборах — листовки: будут стрелять. Не поверили, пока не убедились — эти не шутят. Так закончилось безвластие. Начался новый порядок.

Город пахнет пожарищем и горелой человечины — запах, который невозможно ни описать, ни забыть. Почему-то запомнилась кровать, зацепившаяся за перекрытие третьего этажа разрушенной бывшей больницы. На кровати, на растяжке, висит бывший больной.

Первое знакомство с национальным вопросом. До войны я знал, что есть слово — «жид». За него могли отдать под суд. Надо было быть уж очень убежденным антисемитом, чтобы так дорого платить за «скромное удовольствие» обозвать кого-то жидом. Я не был евреем. И я не был русским. Я был никаким. И вдруг...

На всех заборах и развалинах — листовки со строжайшим приказом полевого коменданта:

19.07.1941 г. «О создании жидовского жилого района в г. Минске»

«...В течение 5 суток..., ... выделены улицы, переулки...

Изоляция от остальной части города... Кирпичная стена... Стену возводят сами жида..., ...для покрытия затрат — принудительный заем 30 тысяч червонцев... Собрать в течение 12 часов с момента опубликования настоящего приказа... За любое неподчинение — расстрел.»

Что касается кирпичной стены — ограничились «колючкой». Основное переселение — путем обмена квартирами с неевреями. У нас меняться нечем. Значит, я не просто жид, а жид бездомный.

Живем в зале бывшего кинотеатра, что на улице Раковской, напротив хлебозавода. Таких бедолаг в зале — человек сто. Семьи отгораживаются друг от друга одеялами на проволоке.

Переселение в Минское гетто 1941 г.

Гетто. Первый период. Продукты добываем в обмен на вещи, найденные под развалинами нашего дома. Я меняюсь с немцами: мыло на хлеб, табак, сахарин. Торг честный. Мы им бросаем свой товар в окна второго этажа конторы хлебозавода, они нам — свой. Часами лежу в лопухах у самой проволоки (где-то в районе нынешней «Ямы»). Внизу, за проволокой, Свислочь — ее русло тогда проходило намного ближе. Перед рекой — татарские огороды, а там — брюква, свекла, морковь... словом, деликатесы. Лежу, как охотник, поджидающий добычу. Наконец, вблизи — никого. Бросок под проволоку, и в мешке — килограммов десять добычи. Значит, еще пару дней не помрем с голоду.

Погромы. 7 ноября 1941 г., не знаю от кого мать прослышала о погроме, но в 5 часов утра, проскочив через еще не замкнувшееся окружение, бежим по свежему снегу через еврейское кладбище в единственное место, где можно спастись, — к моей «второй маме» Юзе, домработнице, прожившей в нашей семье 14 лет. Она, рискуя жизнью (в коммуналке от соседей ничего не скроешь), продержала нас три дня, накормила, обогрела. Вернулись мы, потеряв «свой» кинотеатр, — район был уже отрезан от гетто. И опять мы — бездомные.

Однако, надо как-то жить. Надо устраиваться на работу, но кто возьмет 14-летнего пацана, да еще без специальности. Значит, мне 16 и я — сапожник. Документы сгорели.

На геттовской бирже труда меня окинули скептическим взглядом и записали в сапожный цех базы ремонта обмундирования ВВС Восточного фронта. Это — бывшая фабрика «Октябрь». Там, разумеется, поняли, что я — такой же сапожник, как и музыкант, но не выгнали, и через месяц я уже был сапожником, причем не последним. К весне мои коллеги по верстаку и сапожной лапе — и русские, и евреи — признали меня своим.

Почти два года ежедневно меня в колонне под конвоем вели на работу и жестоко эксплуатировали за миску баланды, где «крупина за крупинкой гоняется с дубиной», и 150 граммов глино-подобного хлеба. Остальное я добывал иным способом, ежедневно рискуя жизнью, но это уже другая история.

Этажом выше, в портняжном цеху, работали мама и сестра. Это нам помогло пережить самые страшные погромы, поскольку в те дни колонну не отправляли в гетто: спали мы, сапожники, под верстаками, портнихи — на грудах шинелей.

Фашисты берегли дармовую рабочую силу до «полного решения еврейского вопроса».

Выживание. В гетто все направлено на то, чтобы лишить человека не только чувства собственного достоинства, но и человеческого облика. Голод, холод, лохмотья, опознавательные знаки — латы и таблички с номерами домов на спине и груди. меховые вещи запрещены, да и откуда им взяться, когда уже все обменено у про-волоки на кусок хлеба, на ведро картошки. Деликатесом считается лек-рассол из селедочных бочек. В него макают хлеб, когда хлеб есть. Едят оладьи из картофельных очисток, пропущенных через мясорубку. Едят сало, соскобленное со старых шкур на кожзаводе. Едят баланду, приносимую, если удастся, с работы. Постоянные мысли и разговоры о еде. Любимая тема — кто что ел до войны и кто что любил. Такого слушаешься!

Ходить можно только по мостовой. Завидев немца, метров за 15 снимать шапку. Однажды зимой я замешкался, развязывая шнурки своего «треуха на рыбьем меху», не успел его сдернуть и получил предметный урок учтивости в виде оплеухи, отбросившей меня в сугроб.

Человеческая жизнь не стоит ничего. Один из примеров. Колонны возвращаются с работы. На перекрестке Республиканской и Сухой люди расходятся — одни в левые ворота, в сторону кладбища, другие — в правые, к Юбилейной площади. Скопление людей. Вдруг со стороны Опанского в толпу на полном ходу врзается открытый грузовик с солдатами. Люди разбегаются. Одна женщина не успела. Громкий звук лопнувшего черепа. Солдатня хохочет — все-таки развлечение. Естественно, водитель и не подумал остановиться. Ведь это не люди, а всего лишь евреи.

Об электричестве нечего и думать — в гетто его нет. Освещаемся свечами, которые я научился отливать в стеклянной трубке из найденного где-то парафина. Иногда используем лучины. Потом приспособил снарядную гильзу под карбидную лампу. До сих пор запах карбида возвращает меня в гетто. Запахи, как и мелодии, способны переносить человека в прошлое ярче любых воспоминаний.

Только на работе я немного отходил от этой беспросветности. За общими верстаками русские и евреи были равны. И еще одно воспоминание. Колонну вели с работы по улице Раковской (одно время вход был через нее). Проходя мимо своего первого геттовского приюта, который после ноябрьских погромов 41-го года отошел в «русский район» и вновь стал кинотеатром, я смотрел на нарядно одетых парней и девушек, стоявших в ожидании киносеанса. А они смотрели на нашу серую колонну, расцвеченную только желтыми латами и белыми номерами. Не знаю, о чем думали они, а я думал о том, что человек удивительно быстро привыкает к любому распределению ролей в этой драме под названием жизнь. Впрочем, наверное, я подумал об этом сейчас, а тогда мог думать только о еде.

Военнопленные. Зима 1941–42 годов. Уже работаю. Колонну приводят и уводят затемно. Пользуясь этим, иногда вечером снимаю латы (они у меня на булавках) и ныряю в подворотню, чтобы переночевать, отогреться и поесть у «мамы Юзи». Правда, мозг сверлит мысль, каким образом утром опять внедриться в колонну, но это будет только завтра. А пока впереди ночь под кожухом у теплой печки и еда. Много еды.

Утром, в полутьме, выхожу по улице Дзержинского на Московскую (в то место, где сейчас Дом быта), чтобы идти к Западному мосту и там проводить «операцию внедрения». Гляжу — на противоположной стороне, вроде, большая куча мусора, которую рассматривают несколько прохожих. Остальные отворачиваются и проходят, ускоряя шаг. Мне (по «оперативному плану»), надо идти по левой стороне, но какая-то сила заставляет перейти на другую сторону, к этой куче. Это оказался не мусор, а сваленные друг на друга шесть или семь тел военнопленных. Исхудавшие до самых костей, в подданных шинелях, под которыми — почти ничего. Черепа обтянуты желто-серой кожей, ноги обмотаны тряпками. Пристрелены кто куда: в грудь, в живот, в голову. Некоторые с открытыми глазами, в которых застыла предсмертная мука, а может быть, радость избавления от нее. Крови почти нет: может быть, ее в них почти не осталось.

Явочный лист Михаила Трейстера, выданный Juden-ратом Минского гетто. 1942 г.

Прошел еще метров пятьдесят — опять такая же куча. И так до самого моста. В цеху рабочие, пришедшие с восточной части города, рассказали, что такая же картина аж до самой обсерватории. Ночью вели через город 10-тысячную колонну военнопленных. Обес-силенные, больные и раненые неизбежно скапливались в хвосте колонны, а сзади шла зондеркоманда, методично делавшая свое дело.

Обычно такие колонны конвоировались какой-нибудь сотней немцев, а иногда своих — капо. В колонне, хотя и истощенные, но все же молодые, еще сильные мужики, знающие, как передернуть затвор и как работать прикладом. Обученные. Домой из них вернут-ся, дай бог, трое-четверо из десяти (по германским официальным данным в плену погибло 60 процентов наших). Казалось бы... Но надежда умирает последней. И они идут...

Места спасения — «малины». В гетто «малинами» назывались убежища, в которых узники прятались от погромов. Трудно пере-числить все варианты «малин» — они зависели от местных условий, количества скрывавшихся и фантазии их создателей: ложные стенки или фронтоны, оставляющие свободное пространство для укрытия; погреба с замаскированными люками, иногда за пределами дома, с подземными ходами к ним; крайняя комнатуха, дверь в кото-рую заставлялась шкафом.

Возникает естественный вопрос: кто маскировал крышки погре-бов, задвигал шкафы, камуфлировал входы. Это делали старики, со-знательно отдавая свою жизнь ради хоть какой-то надежды на спа-сение детей и внуков.

К сожалению, жертвы часто оказывались напрасными, так как у карателей были свои методы: собаки, простукивание стен, грана-ты, дымовые шашки, забрасываемые в погреба, и т.д. Ну, а после погрома 21–23 октября 1943 года (последнего), многие через не-сколько дней сами выходили из «малин» на верную смерть. Убежи-ща годились лишь для кратковременной отсидки. Случалось, ребе-нок начинал кричать в тот самый момент, когда каратели шарили по квартире. Тогда ребенка душили...

Мой скромный «малиновый» опыт сводится к одной ночи, которую я просидел среди десятка других несчастных в узкой щели между двумя стенками. После этого решил, что помирать лучше на свежем воздухе.

О еврейской полиции и не только. Иногда говорят, что еврейская полиция была позорной страницей в истории оккупации.

Мне приходилось сталкиваться с еврейской полицией и даже около года прожить в «полицейской квартире» на ул. Республиканс-кой. В правой боковой комнате жил рядовой полицейский Шульман с женой и двумя детьми, в шестиметровой проходной — мы с мамой

и сестрой, а в последней, проходя через нашу, — сам начальник полиции Фимка Розенблат с очень милой и уютной женой Эммой. Фимка был высокий, смуглый человек лет тридцати пяти, как говорили, бывший варшавский вор, угрюмый и неразговорчивый.

Конец у обоих полицейских был печальный. В июльском погроме 42-го года Шульман, по слухам, стоял в оцеплении Юбилейной площади, когда его жену и детей, среди других несчастных, грузили в душегубки. Его самого убили в 43-м. Ну, а Розенблата однажды ночью увели настоящие (русские) полицаи, с которыми он иногда ночами пил в своей комнате. Видно, чего-то не поделили. Через несколько дней пропала и Эмма, которая пошла выяснить его судьбу. Возможно, много знала. Ее мне было искренне жаль.

Первоначально полицейских было около сотни, потом много меньше. Оружия им не давали. Между прочим, ни Розенблат, ни Шульман не выдали «малину» в нашем доме, о которой они не могли не знать. Не выдал Шульман и меня, когда я после побега с Широкой скрывался в гетто до ухода в партизаны.

Многие из этих людей оказались в полиции по принуждению, иные — чтобы не помереть с голоду, кое-кто — по заданию подпольной организации. Почти все они погибли, за исключением единиц, бежавших в партизаны. Некоторые после освобождения от оккупации отсидели срок. Впрочем, в те годы это отнюдь не говорило о вине.

Естественно, я не собираюсь их защищать. Но истина превыше всего, и если говорить о позорных страницах истории, то ведь история — книга толстая, там много страниц. Есть и такая: по опубликованным данным в Белоруссии в годы оккупации было 120 тысяч вооруженных коллаборационистов, то есть предателей из местной полиции, украинских батальонов, прибалтийских карательных отрядов, РОА («Русской освободительной армии» генерал-лейтенанта А.А. Власова). По другим данным, до 160 тысяч. Эти активно участвовали в массовых расстрелах евреев, карательных акциях против партизан, в сожжении деревень (иногда вместе с жителями), причем, зачастую делали это добровольно. Как быть с этой страницей?

Иногда спрашивают, а были ли хорошие немцы?

Среди гражданских специалистов встречались.

Не могу не вспомнить и о добром, суетливом мастере Вилли, больше похожем на бедного местечкового еврея, который едва ли не ежедневно показывал мне фотографию своей фрау и трех пацанов. Так вот, когда каратели из РОА забирали нас на Широкую, он стоял, отвернувшись к стене, и плакал. И такие немцы попадались.

Ночные погромы. Вероятно, у фашистов был жесткий график «окончательного решения» по регионам, и, когда они из этого гра-

фика выбивались, включались дополнительные резервы. Одним из таких резервов были ночные погромы.

При плотности заселения, которая образовалась во время создания гетто и поддерживалась почти до его ликвидации, в одноэтажном 2–3-квартирном доме могло ютиться до ста человек, в небольшом двухэтажном — до двухсот-трехсот.

Республиканская улица, переименованная немцами в Миттельштрассе, была сквозной, т.е. была выгорожена с обеих сторон колючей проволокой, и там днем ходил обычный транспорт, однако ночью, насколько помню, по ней никто не ездил. И когда ночью на этой улице раздавался рев машин, это означало только одно. Минут через 20–30 где-то рядом слышались крики, проклятия, автоматные очереди, лай собак. Через полчаса все затихало, а затем — звук уходящих машин. У стервятников закончилась ночная смена.

Утром, поднимаясь по Обувной к месту сбора рабочей колонны, прохожу мимо очередного выбитого дома. Вокруг — на тротуарах, фундаментах, стенах — кровь и мозги (стреляли разрывными). Кругом автоматные и винтовочные гильзы, бутылки из-под водки. Иногда догоняю возы с высокими бортами. Груз накрыт брезентом с бурыми пятнами, из-под брезента свисает то рука, то нога. За каждым возом широкая красная полоса. Груз колышется. Еще не остыл. Возы идут к Сухой и по ней налево, к кладбищу. Мне — направо, на Юбилейную площадь, к своей колонне. Сбором и вывозом трупов руководит геттовская (еврейская) полиция с белыми повязками.

Рабочая команда Минского гетто (в центре Михаил Трейстер). Минск, 1942 г.

В цехе некоторые верстаки пусты. Причины никто не обсуждает, даже мастера-немцы. Были периоды, когда это повторялось почти каждую ночь, и каждый раз при звуке ночных машин несчастные узники гадали, не по их ли душу... Как правило, даже не прятались в «малины» — не успевали.

Еще лет пять после войны при звуке ночной машины я просыпался в холодном поту.

Юбилейная площадь — аппельплац Минского гетто. Невозможно представить Минское гетто без его эпицентра — Юбилейной площади. Именно там проходили все значимые события и разворачивалась технология этой фабрики смерти. Там же находились и все основные объекты гетто. На северной стороне площади (в зоне правого крыла нынешнего магазина «Техника в быту») — самый влиятельный орган — биржа труда. Чуть пониже, в сторону «Ямы», — орган внутреннего самоуправления Юденрат (напротив нынешнего «Дома мод»). Рядом, единственная сквозная улица гетто — Миттельштрассе, выгороженная с обеих сторон колючей проволокой. По ней въезжали в гетто каратели во время дневных и ночных погромов. (Бывшая Республиканская, ныне — Романовская Слобода).

На противоположной стороне Миттельштрассе — зондергетто для депортированных евреев из Европы. Их всех мы называли «гамбургскими», там как первый эшелон с ними прибыл 11 ноября 1941 г. именно из Гамбурга.

Ежедневно с Юбилейной площади еще до рассвета под конвоем уводили рабочие колонны на предприятия и стройки города и затемно же приводили их назад на площадь. Сюда собирали заложников, пойманных при облавах и держали их до расстрела в арестантской при бирже труда. Сюда приводили и привозили евреев, обвиняемых в саботаже, в связи с партизанами, самовольном выходе за проволоку, и так далее. Одиночек каратели укладывали на пол вдоль заднего сиденья машины под ногами конвоиров. Здесь их выгружали и пешком по улице Сухой, которую мы называли «дорогой смерти», вели к четырем огромным ямам на еврейском кладбище, где расстреливали.

Во время погромов пойманных узников собирали на площади и в открытых грузовиках увозили их к местам расстрела, а с 1942 года заложников грузили в душегубки для вывоза в Тростенец.

Концлагерь на Широкой. Концлагерь СС на ул. Широкой в Минске существовал с 5 июля 1941 г. по 30 июня 1944 г. Улица Широкая находилась там, где теперь ул. Машерова. Лагерь размещался в бывших кавалерийских казармах, на том самом месте, где теперь военный госпиталь. С августа 1943 г. из этого лагеря регулярно курсировали четыре душегубки в лагерь уничтожения Малый

Тростенец. По дороге люди умирали от поступавшего из выхлопной трубы газа. Трупы сжигали в Тростенце. Всего с августа 1943 г. по июнь 1944 г. в лагере на ул. Широкой было уничтожено около 20 тысяч человек. В основном это были узники Минского гетто.

В концлагерь на Широкой я попал в конце июля 1943 г., когда с предприятий забирали мужчин-евреев, вероятно, в порядке подготовки к общей ликвидации. Дней чрез 10 мне удалось оттуда уйти живым, воспользовавшись именем человека, которого уже успели ликвидировать — Наума Розина.

Первый уход в партизаны. После моего кратковременного нахождения в лагере СД на улице Широкой я недельку отсиделся и стал решать, что делать дальше. Маршрут определился сразу — Старое Село. Это была почти партизанская зона — опорная база диверсионных групп. Один кандидат в спутники был под рукой — в другом конце нашего двухэтажного дома по Республиканской жила шестнадцатилетняя очаровательная блондинка Вера Розенберг (теперь Смирнова), с которой мы неоднократно обсуждали тему побега. С ней договорился быстро. К нам присоединился наш сверстник, тоже Михаил. Итак, нас трое.

Попрощались с родными, у кого они еще были, и, сняв латы, ранним утром, на улице Опанского нырнули под колючую проволоку в неизвестность. Дорога (около 20 километров) прошла относительно спокойно. Где-то на полпути повернул назад наш спутник Михаил. Вера дошла со мной почти до самого Старого Села и вернулась назад: разведала дорогу, чтобы потом вывести родных. (Дальнейшая ее судьба сложилась трагично: уход в партизаны, приход в Минск для связи, арест на конспиративной квартире, тюрьма, Освенцим... Прошла все круги ада. Слава Богу, выжила.)

Потом встретил партизан, как оказалось, из диверсионной группы отряда имени Пономаренко.

Разок сходили на «железку», где я стоял на «шухере», пока минировали дорогу на участке Минск — Столбцы. Пару раз брали на шоссе, где поручали более квалифицированную работу — спиливание телеграфных столбов и закладку зарядов, иногда со стрельбой. Когда группа возвращалась на свою базу, меня взяли с собой. Прошли километров восемьдесят и в Налибокской пуще передали меня в еврейский национальный отряд Шолома Зорина — отряд № 106.

Опять в гетто. Второй уход. Поскольку в гетто оставались мои родные, стал ходить по начальству и добиваться, чтобы направили туда проводником. И добился. Моя задача: привести фармацевта, мыловара, оружейника. Можно с родными. Разрешили вывести своих, но с условием: общее число не должно превышать 10 человек. Большие группы, как правило, обречены на гибель. Кроме того,

добыть аккумулятор, радиодетали, медикаменты и, если можно, оружие. Группу доставить в Старое Село, откуда сводную команду поведет другой проводник. Все четко и понятно, как это всегда бывает в теории.

Гетто в сильно урезанном виде доживало последние недели, а может быть, и дни. Медлить было нельзя. Стал искать нужных специалистов. Хотя и сидел инкогнито, стали ко мне захаживать разные люди. Да не с пустыми руками. Запомнил двух визитеров. Один — с парабеллумом в новенькой кобуре и тремя обоймами патронов (сказал, что с ним пять человек). Другой протянул завернутый в газету круглый столбик длиной сантиметров десять, который поразил меня несоответствием объема и веса. Оказалось, в столбике уж не помню сколько штук золотых десятков. А довеском к ним — шесть человек. Но приказ есть приказ, а конспирация — конспирацией: я никуда не уходил и никуда не собираюсь.

Однако. В день ухода отобранные люди стали накапливаться в котельной инфекционной больницы, к нам присоединились ютившиеся там бездомные и группа выросла почти до 30 человек. Тут уж никуда не денешься — пришлось взять.

Итак, ровно в два часа ночи режем проволоку на ул. Опанского и выходим навстречу судьбе. Совершенно немыслимым образом нам удалось выйти за пределы города, который тогда кончался где-то за Кальварийским кладбищем. Уже одно это до сих пор считаю чудом. Осложнения начались потом. Утром следующего дня в районе нынешнего предприятия «Центр» (тогда это был глубокий загород) мы нарвались на засаду и около половины группы было уничтожено. Остальные добрались до Старого Села, а потом и до отряда № 106.

Мать и сестра, к счастью, остались в живых. И пережили войну.

Партизанский отряд № 106. И вот мы в партизанском отряде. О нем написано немало, надеюсь, будет написано еще. Пройдусь лишь пунктиром по этой уникальной теме. Отряд № 106 (командир Шолом Зорин, комиссар Хаим Фейгельман, начальник штаба Анатолий Вертгейм) был создан весной 1943 г. приказом командующего Барановичским партизанским соединением Василия Чернышева. В него к моменту освобождения входило около 600 человек, в том числе примерно 140 — боевая группа, остальные 450 — семейная. В отряде сапожная, портняжная, оружейная мастерские, мельница, пекарня, копильня, баня, отличная медицинская часть — от хирургии до гинекологии. Все это работало не только на нас, но и на другие отряды и бригады Ивенецкой зоны.

В нашем отряде находилось примерно 150 детей-сирот, многие из них учились в партизанской школе, где на занятиях писали углем по березовой коре. Структура отряда: боевая и хозяйственная

роты, подготовительный взвод, полевая и строительная бригады. Первая убирала урожай с полей сожженных деревень, вторая обу-
страивала лагерь. Было и стадо коров, отбитых у полицаев.

Кроме боевых операций, в задачу отряда входило сохранение стариков, женщин, детей, чудом спасшихся из гетто, что в суровых условиях партизанской войны было нелегким делом. Зоринцы с этим справились блестяще. 9 июля 1944 года отряд соединился с частями Красной Армии.

В отряде я вначале поработал сапожником, затем прошел обу-
чение в подготовительном взводе и принимал участие в караульной службе и боевых операциях отряда.

Так что же такое Холокост — Это состояние человека, пригово-
ренного к смерти без вины и без надежды на помилование. Это го-
лод, но не тот, когда просто очень хочется есть, а тот, когда в голове
ни одной мысли, кроме как о еде, и когда никак не можешь понять:
на земле столько народу, и все что-то едят. Неужели на всех хватает?

Это холод, но не теперешний, от которого можно спрятаться в
магазине, метро или кафе, а зловещее дыхание смерти, заползая-
щее под твою ветхую одежку, и ты понимаешь, что если не ук-
роешься от него сейчас, немедленно, то тебе — крышка. И ты го-
тов пойти на смерть, если перед этим дадут согреться.

Это лежащий на углу Обувной и Шорной раздувшийся от го-
лода и водянки пока еще живой ребенок лет четырех, которому не
повезло: каратели не заметили его в последнем погроме, где погибли
все его родные, и он выполз, чтобы умереть на тротуаре под роем
мух. И никто не может ему помочь, потому что в этом же погроме
расстреляли детский дом и больницу — детей, больных (прямо в
постелях) и весь персонал.

Это, наконец, глаза моего соседа по верстаку, которого третьи
сутки не выпускают из цеха, поскольку в гетто, где остались его
жена и двое детей, третий день идет июльский погром 42-го года,
а мой сосед, классный специалист, еще нужен Рейху и по плану
«окончательного решения» его должны убить не ранее октября 43-
го. Но и не позже.

А теперь закройте глаза, сосредоточьтесь и представьте, что все
это происходит, упаси Бог, с вами. И если вам это удастся, то вы
поймете, что Холокост — это не поле для борьбы амбиций и состя-
зания красноречий. Это тема, о которой надо меньше говорить и
больше думать. Как на краю могилы.

Текст подготовлен к печати Кузьмой Козаком.

*См.: Трейстер М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления,
публикации. Минск, 2007. С. 13–50.*

Архив Исторической мастерской.

Семашко Раиса Кирилловна

3.06.1930, г. Минск. Образование высшее. Учитель русского языка. Один из организаторов общественного движения Праведничества в Минске.

*Спасенные: Ида Борщева и Нина Цейтлина
Год присуждения звания: родителям посмертно в 1996 г., Раисе Семашко в 2001 г.*

История семьи. Отец — Семашко Кирилл Никитович, мама — Анастасия Лазаревна да я, вот и вся наша семья. И отец, и мама родом из Брестской области, там они познакомились и поженились, позже переехали в Минск. В 1930 г. родилась я. Родители мои к тому времени были не так уж молоды, папе — 44 года, а маме — 32. Жили мы в Минске на углу Сторожевской улицы и Пугачевского переуллка, снимали однокомнатную квартиру в доме у хозяина по фамилии Либо. Вообще, наш поселок, расположенный в районе пивзавода и Комаровки, был известен в Минске как чисто еврейский. В районе Комаровского переуллка даже была небольшая синагога. Все называли поселок Сторожевка. В нашем доме жили только две русские семьи — наша и семья Соколовских, остальные восемь семей — евреи. Рядом с нами жила семья врача Натана Клипцана. Его жена и сын Фима погибли в гетто, а он сам перед войной с дочерью Нюсей уехал в Москву. Оттуда его призвали в армию, он воевал, остался жив, а дочь жила у родственников в Москве. В 1937 г. я поступила в 11-ю минскую школу. Класс, в котором я училась, являл собой полный интернационал — белорусы, русские, поляки, евреи, татары. Никто никогда не интересовался национальностью соседа по парте, если возникали ссоры, то это были обычные детские проказы.

Семья Семашко: мама Анастасия, дочь Раиса и отец Кирилл. Минск, 1939 г.

Начало войны и перемены в жизни. Война, так круто изменившая привычный жизненный уклад, на всю оставшуюся жизнь связала меня с двумя еврейскими девочками. Это были мои одноклассницы Ида Борщева и Нина Цейтлина. Случилось так, что, когда началась война, их семьи не успели эвакуироваться и девочки остались в Минске. Нина жила с мамой и младшей сестричкой. Ее

отец был музыкантом, играл в оркестре оперного театра и перед самой войной уехал на гастроли. Мама Иды Борщевой работала в НКВД. Ее в срочном порядке эвакуировали с отделом, даже не позволив забежать домой и взять ребенка. Когда началась сильная бомбежка, вместе с тысячами других испуганных людей Ида с бабушкой ушла из города.

Дороги были забиты толпами беженцев. И не мудрено, что во время очередного налета, в суматохе, Ида отстала от бабушки и потерялась. Как впоследствии выяснилось, бабушку, которая буквально обезумела от отчаяния, посадили в какую-то попутную машину, и она с чужими людьми эвакуировалась из Беларуси. Ида, оставшись одна, не растерялась. Уйти далеко от города они с бабушкой не успели, и она вернулась в горящий Минск. Их дом был разрушен. Поплутав по городу, Ида пришла к нам. Мама оставила ее.

Во время войны в школу я не ходила, уже были известны случаи, когда детей забирали прямо с уроков и отправляли неизвестно куда, поэтому родители не пускали меня. Честно говоря, сильно по этому поводу я не переживала. Даже по-детски радовалась затяжным каникулам. Но зато я очень много читала, а все свободное время я проводила с Идой и Ниной.

Новые условия проживания для евреев. Вскоре в Минске развели немецкие приказы, в которых предписывалось евреям в срочном порядке переселиться в специально отведенные места. Так в городе появилось гетто. Все наши соседи-евреи, которые не успели или не смогли покинуть город, ушли туда. Большинство из них поселились на Замковой улице, а люди с этой улицы пришли в Сторожевский поселок, так как их выселили из квартир. Наш хозяин с женой также ушли в гетто. Уходя, он сказал моему отцу: «Кирилл, если мне будет суждено вернуться, я думаю, у нас с тобой проблем не будет, а пока занимай и мою половину дома». Из гетто они так и не вернулись, и наша семья еще много лет жила в этом доме. С новыми соседями нам очень повезло. Это были семьи Козловых и Ясинских, исключительно порядочные люди, которые помогали нам сохранить жизнь Иде и Нине.

Ида ушла в гетто вместе с довоенными соседями по квартире. Но эти люди не могли в тех условиях взять на себя содержание чужого ребенка, поэтому Ида жила в детском доме при гетто. Числилась она там лишь номинально. Практически постоянно Ида находилась у нас. Я частенько ходила на территорию гетто. Почти все наши бывшие соседи жили на Замковой улице. Это на стыке с так называемым русским районом. Мама давала мне продукты, и я носила их нашим друзьям. Однажды мама собрала мне узелок с передачей в гетто. Я пошла, встретила знакомых детей, заигралась.

Видя, что уже стемнело, решила переночевать в гетто. Мне даже в голову не пришла мысль, а что же будет с моими родителями, если я не вернусь домой. Папа пришел с работы — меня нет. Мама, рыдая, рассказала куда я пошла. Отец побежал меня искать. У входа в гетто его окликнул полицейский: «Jude!» и затолкал за проволоку. Отец божился и молился, объяснял, что ищет пропавшего ребенка. Все было тщетно, полицейский не верил. А потом, возможно от скуки или из любопытства, решил проверить, еврей отец или нет. Завел его в помещение, позвал каких-то стариков и велел отцу снимать штаны. Старики посмотрели и сказали: «Этот человек русский». Вернулась я только утром. Мне, конечно, здорово влетело.

Пути спасения евреев. В гетто я навещала семью Нины Цейтлинной. Но после первых погромов в гетто Нина все чаще приходила к нам домой, иногда вместе с мамой, приносили кое-что из одежды, чтобы поменять на продукты. Соседи знали их, помогали кто чем мог. Во время третьего погрома погибли мама и сестра Нины. Сама она спаслась, благодаря тому, что в это время была у нас.

Еще хочется рассказать такую историю. С Замковой улицы переселилась семья Козловых, в которой было двое детей, Зина и Володя, рожденные от смешанного брака — жена Козлова еврейка. Когда началась война, Володе было лет 18, а Зине около 20. Козловы были коммунистами. В самом начале войны собралась группа евреев, и они решили: «Мы коммунисты и евреи, нельзя дать себя уничтожить, лучше сделать это самим». Они раздобыли яд. Первой выпила жена Козлова, больше никто не осмелился. Факт этот реальный, но малоизвестный.

Условия выживания. Во время войны отец работал конюхом на «Эльводе» — так называлась городская электростанция. При станции была столовая, где кормили немецкую охрану и людей, которых пригоняли туда на работу (в основном это были евреи). Папина работа очень помогла нам выжить. Дело в том, что ему часто приходилось забивать корову или свинью. Немцы забирали мясо, а внутренности выбрасывали. Отец всегда имел при себе какой-нибудь мешок, в который складывал это «богатство», и приносил домой. Кроме того, в те страшные годы места пожарищ часто использовали под огороды. На них горожане, и мы в том числе, сажали картошку, капусту, морковь. Во дворе нашего дома имелся погреб, где мы хранили урожай и прятались во время бомбежки. Это было хорошим подспорьем в голодное время. Таким образом, мы кормились сами и помогали соседям и знакомым из гетто.

Как-то слухи о том, что мы скрываем еврейских детей, просочились за пределы поселка. Вскоре произошел случай, который я запомнила на всю жизнь. Так как немцы периодически делали

Дом Бордиловских, где скрывались Рая Семашко и Нина Цейтлина. д. Невеличи, 1943 г.

обходы по улицам — обычно по три человека. Двое мужчин и одна женщина. Видимо, во время очередного обхода кто-то «надоумил» их завернуть в наш дом. Я в это время была на улице, но, заметив, что зашли в наш двор, побежала домой. У калитки стоял немец, он загородил мне дорогу, не пропуская в дом.

Кое-как, по-немецки, объяснила, что я здесь живу, там мои родители. Хорошо, что мы жили в частном доме и калитка всегда была на запоре. Чтобы ее открыть, нужно было время. Кроме того, во всех дворах держали собак, которые поднимали лай, стоило чужому подойти к забору. Заслышав такое предупреждение, можно было незаметно убежать к соседям. Ида с Ниной так и сделали. Соседи спрятали девочек. Часовой впустил меня в квартиру. Мама, увидев меня, совершенно опешила и смотрела на меня дикими глазами. Немцы приняли меня, черноволосую девчонку, за еврейку и закричали: «Jude!» Мама, рыдая и крестясь, пыталась объяснить, что я — ее дочь, мы — белорусы. Слова не помогали. Начали обыск, но ничего не нашли. Тогда офицер поставил маму к стенке и приставил к виску пистолет. От ужаса я закричала. Слава Богу, прибежали соседи, объяснили, что никого в доме, кроме нашей семьи, нет. В тот раз все обошлось. Но у мамы на нервной почве начали выпадать зубы.

В 1943 г., когда наши войска начали наступать, в Минск прибыли полицаи из г. Людиново. Их поселили в нашем доме, пришлось уступить им даже ту часть квартиры, в которой раньше жил Натан Клипцан. Вот тогда стало небезопасно держать девочек в доме. Надо было что-то делать. У отца еще с довоенных лет был знакомый Орлов. Во время войны он курировал все детские дома. Благодаря ему, отцу удалось пристроить Иду в детский дом для русских детей. Там она жила до освобождения Беларуси.

С Ниной дело обстояло немного проще, она не была похожа на еврейку, в крайнем случае, ее можно было выдать за обыкновенного приبلудного ребенка. В военное время очень много беспризорных детей ходило по дорогам. Однако риск оставался, следовало что-то предпринять. Отец дружил с профессором Прокопчуком, известным врачом-венерологом, работавшим во 2-й городской больнице. В годы войны профессор Прокопчук активно сотрудни-

Встреча бывших одноклассников 11-й СШ г.Минска. В первом ряду (слева направо): Нина Цейтлина, Ида Борщева, Раиса Семашко, Соня Темляк; во втором ряду: Юлий Бампи, учительница М.Н Трушникова, Геннадий Сманцер; в третьем ряду Витя Эпштейн, Римма Карпик, Бронислав Брейво. Минск, 1986 г

чал с партизанами, доставал медикаменты, которые мой отец переправлял в партизанский отряд, расположенный в Дзержинском районе. Из отряда часто приезжал оперуполномоченный Станислав Александрович Бордиловский. Папа уговаривал его забрать Нину. Он отказывался, мол, как же я привезу какого-то ребенка, я один это не решаю. В 30-е годы отец работал председателем коммуны, а затем председателем колхоза в Дзержинском районе — деревни Палково, Хомичи, Невеличи, примерно в 30 км от Минска. Во время оккупации, когда были особо сильные бомбежки, меня отправляли туда, несколько раз вместе с Ниной. Недалеко от деревни Невеличи жил брат Бордиловского — Феликс Довнар. В его доме находились люди, которых удавалось переправлять из города в партизаны. Занимались они в основном хозяйственной деятельностью. Вот в 1943 г. его жена Юзефа и отправила Нину в партизанскую зону. Однажды полицей, который жил в нашей квартире, зашел к нам и начал разговор с моим отцом. В то время детей в доме уже не было, а он все о девочках выспрашивал, злился и кричал. Полицей достал пистолет, угрожая отцу, а потом несколько раз выстрелил в пол. Вот в такой ситуации мы и жили. Когда началось наступление наших войск, людиновские полицей ушли с немцами.

Освобождение и радость встречи. После освобождения Минска Нина вернулась в Минск. Здесь ее разыскал отец. Люди искали друг друга по объявлениям. В городе было несколько мест, где вывешивались записки с адресами и фамилиями. Отец женился, а Нина закончила Институт народного хозяйства. Потом вышла замуж, вырастила двоих сыновей. Оба получили высшее образование. Один из сыновей с женой уехал в Америку, а после смерти мужа уехала и Нина.

После освобождения вернулись мама и бабушка Иды. Мама вышла замуж, а бабушка полностью посвятила себя Иде. Сейчас Ида на заслуженном отдыхе. Мы до сих пор очень дружны, делимся и радостью, и горем. Она осталась энергичной и жизнерадостной женщиной. Ее обожают и мои внуки, считают одной из своих бабушек.

...Когда Нина уехала в Америку, она прислала письмо, в котором написала о том, что в одной из американских газет вычитала о Праведниках народов мира. Вот тогда в Минске за оформление документов взялась Ида.

Текст подготовлен к печати Кузьмой Козаком.

См.: Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси. Минск, 2009. С. 131—136. Архив Исторической мастерской.

Грайфер Иосиф Авсеевич

12.07.1926, г. Минск. Образование высшее. Инженер-электрик.

Интервьюер (И): *Иосиф Авсеевич, расскажите нам, пожалуйста, про свою жизнь.*

Респондент (Р): Попробую, родился я 12 июля 1926 года в городе Минске. Отец у меня был инженер-электрик, у нас это семейная традиция, мать была медсестрой, после меня в 32-м году родился брат еще младший. Как все дети, я пошел в школу и занимался до начала войны и успел окончить семь классов. К сожалению, больше я в школе не учился. Занимался спортом, занимался музыкой, как все дети у родителей более-менее обеспеченных, учили меня играть на мандолине, на гитаре, на скрипке, но потом это все оборвалось с началом войны. Семья была хорошая, дружная, родители тоже были дружные. А потом началась война в 41-м году. Когда началась война, мы пытались уехать из Минска. Пешком мы дошли до Могилева до Днепра, переправиться через Днепр мы не смогли, нас обогнали воинские немецкие части, мы вернулись в Минск, и в Минске попали в гетто, где началась вот такая жизнь. Это было в конце июля 41-го года.

И: *Вы дружили с еврейскими детьми?*

Р: Нам было без разницы, до войны мы этого не чувствовали, не знали. У меня в классе было половина на половину, но все друзя, и никогда этого вопроса не возникало, это потом уже во время войны. Я даже не знал, кто мы по национальности, меня это совершенно не интересовало, и не только меня. Потом я уже знал, что такие были, мы в гетто встретились, а так я... это не имело значения, никакого.

И: *Может быть вы помните настроения среди жителей в 1939-м?*

Р: Честно сказать, по-моему, безразличное, по-моему, думали, что это здесь никогда этого не будет, это недосягаемо, где-то это там. Такого большого негатива, ну, может быть где-то на собраниях партийных, я не знаю, а так, нет. Дома больше обсуждались репрессии, которые происходили у нас в стране, людей сажают не известно за что, потом начали выпускать кое-кого — был такой период. У меня на улице было два друга, их отцов посадили, они были в конной армии, потом их выпустили, и у одного отца был инсульт,

он лежал года три без движения, ни встать не мог, ничего. Пришли немцы, он встал. Стал директором рынка, а когда пришли обратно советские войска, он обратно, ему стало плохо, он опять слег и умер. Это, наверное, стрессовая ситуация. А второго отца расстреляли немцы в первые дни войны, они шли, и в немецкие части кто-то из толпы выстрелил, они построили, каждого десятого вывели, десятым попал мой товарищ, отец его быстренько с ним поменялся, и отца расстреляли. В партию я никогда не вступал, я считал, что это, у меня дед умер из-за того, что партийным был. Мой дед вступил в партию в 1903 году, в 1905 он сидел в тюрьме, а в 36-м году его исключили из партии, потому что он был не очень грамотный, он был монтер, но так написали заключение: «Лицо, ничего партии не дающее, балласт». Когда он шел с парткомиссии, представляете, человек столько лет был в партии, а его исключили, была глубокая осень, он простыл, воспаление легких потом перешло в туберкулез, и он умер из-за этого. Я потом считал, что, если так с человеком поступают, значит, не надо такая партия мне, мне лично. Вот так. Меня заставляли когда-то, я был начальником управления, главным инженером, я говорю, мне не надо эта красная книжка, у меня есть диплом, я инженер, у меня есть специальность. Некоторые вступали в партию из-за карьеры, очень много, а я не хотел.

И: Было ли известно до войны, как в Германии относятся к евреям?

Р: Я этого не знал. У нас в классе появилась девочка, которая бежала из Польши, когда туда вошли немцы, но они бежали не потому, что она еврейка или кто-то там еще, не было, понимаете, совершенно не было национализма внутри у нас, мы воспитаны были в другом духе. Мне было без разницы, я же говорю, я не знал, кто, что. По имени и по фамилии, какая разница, дружил с одним, со вторым, друзья были разные, нет, не стоял национальный вопрос. Разговор был о правительстве, о том, что фашизм преследует людей, но у себя в стране. Это я потом узнал, 38-й год, хрустальные ночи в Германии, и все это, и Гюнтер мне это рассказывал, он это все пережил. А так, даже немецкие солдаты относились к нам по-разному. Вот мы на заводе жили в бараке, там были охранники, пара немецких солдат, два Ганса, один австрияк, а второй из Гамбурга. Они каждый вечер приходили к нам в барак: «Мы хотим посидеть в семье», — они говорят. В семье, понимаете, им без разницы тоже было, кто мы такие. Потом они исчезли куда-то, я не знаю куда, они в возрасте были, лет по 45-47. И работали мы, руководил нами потом мой Гюнтер, потом еще друг был такой солдат, лет по двадцать нам было, Гельмут Зайкер его фамилия и имя было, у нас с ним были дружеские отношения, как ни странно,

понимаете — Мы близки были по возрасту, и никогда не возникал вопрос, у меня с ним во всяком случае, кто он и что он, кто я. При чем у меня смешанная национальность, у меня лично в роду больше немцев, чем евреев.

И: Расскажите, пожалуйста, как Ваша семья попала в Минское гетто.

Р: Очень просто. Мы вернулись из Смиловичей, а тут уже было гетто, мы пришли в гетто и все. Наш дом оказался тоже на территории гетто, мы попали в свою квартиру, в которой уже жило, по моему, шесть семей или семь, и мы туда еще пришли. Вещи все были разграблены, ничего уже не было нашего, вот и все.

И: Какое настроение было среди жителей гетто?

Р: Какое настроение— Беспросветное. Все время расстрелы, кроме вот этих погромов, которые были массовые, каждый день кого-то убивали, ночью и днем, и когда хотите. То есть, надежды почти не было. Вы знаете, когда человек обречен, он чувствует себя обречено, а сделать ничего не может. Кто мог, уходил. Я тоже должен был уйти, была договоренность, в это время меня выдернули и отвезли на завод. Мои друзья ушли в лес, а я вот не смог.

И: Когда вы возвращались, вы еще не знали, что творится в Минском гетто?

Р: Нет, конечно. Мы вернулись, а там уже полицейские, к этому времени они уже стояли, кстати, не немцы, стояли белорусские полицейские: в черных мундирах с белыми обшлагами, с повязками. А там уже, я не помню, сразу была проволока колючая или потом чуть-чуть позже, но уже выйти нельзя было. Правда, я уходил, мои друзья за территорией гетто, они к нам приходили, и даже когда была проволока, они под проволоку проходили, продуктов нам немножко приносили. Дружба, она сохранялась ведь независимо от национальности, люди были по-другому настроены. Поэтому мы долго общались, еще, наверное, полгода можно было нырнуть под проволоку, сходить к ним. Идти было сложно, потом собирали лекарства, отправляли в партизаны, собирали оружие, потом договорились, что можно было уйти, но одному, без семьи. А в это время нас задержали, вытащили из колонны. Гюнтер Каценштайн, он уже там был, по-моему, там жили люди на заводе уже, бывшие работники виленского, а потом минского радиозавода. Там были специалисты, они занимались ремонтом приемников, аппаратуры какой-то, когда мы пришли в гетто, они жили в нашей квартире. Я даже фамилии их помню, а потом оказалось, что и они там. Нас приводили, а потом, 30 октября 43-го года нас там поселили.

И: Опишите, пожалуйста, повседневный день в гетто, как он проходил.

Р: Значит, во-первых, очень много семей жили вместе, скученность очень большая была, в нашей квартире вместо одной нашей семьи жило еще пять, шесть семей, а квартирка была маленькая — две комнатки в деревянном доме. Вставали рано, в восемь часов колонны отправлялись уже на работу, возвращались в часов пять, иногда в шесть, семь. А дальше нечего делать было, электричества не было, света не было, керосина не было, то есть более-менее такая растительная жизнь. Но были друзья, мы общались, встречались, передавали оружие, лекарство передавали за территорию, как ни странно. На заводе тоже много собирали, передавали. Друзья оставались друзьями, становилось все меньше и меньше, людей уничтожали. Смысл то был всех уничтожить, и я не должен был жить вообще то. Единственное, что, я вот не помню, что был страх смерти, не было такого. Даже когда меня расстреливали, я не верил, что меня убьют. Вот не верил и все, как будто это меня не касается.

И: Расскажите, что это была за ситуация.

Р: Это была ситуация, когда выдернули человек двадцать, по какой причине я не знаю, повели к забору какому-то, стояли немецкие солдаты, была команда стрелять. Глаза не завязывали, руки не завязывали. Раздался залп, и все, я больше не помню. А потом я очнулся, я лежу среди трупов этих. Почему, не знаю. Или я упал раньше, чем попали в меня. Никаких объяснений ведь не было, смысл был, как можно больше убить. Все. Стреляли по детям, за территорией гетто солдаты игрались: бежит ребенок, он прицелится, стреляет в него. Там же забора сплошного не было, колючая проволока просто. Каждую ночь кого-то убивали, целую семью или целый дом уничтожали, туда заселялись другие.

Потом привезли из Германии эшелон, там сделали проволоку, нас выгнали из своей квартиры, поселили вот этих немецких из Германии, а мы попали в другой дом, другую семью. Там не спорили, не выгоняли, каждый готов был приютить. Вот туда приехал этот Гюнтер, потом мы познакомились с ним уже на заводе. Там на заводе были из Германии, из Чехословакии, из Австрии собрали людей, евреев, было человек двести, наверное, на заводе. Им было тяжелее, чем нам, потому что они не знали языка, ни общения, они были за двумя рядами проволоки. Мы хоть могли через проволоку что-то там, а они ничего, они умирали от голода больше, чем наши. У Гюнтера Каценштайна у него жена была немка, но она не оставила его, она поехала с ним сюда, она не должна была ехать. Здесь ее расстреляли, и родители его погибли здесь, тоже расстреляли, а он остался жив.

Когда мы убежали, некоторые убежали, а некоторые не успели, Каценштайн попал в концлагерь, он высокий, он был на голо-

ву выше меня, он весил двадцать с чем-то килограмм, когда освободили их англичане и отвезли его в Швецию на восстановление, он там и остался. А мне сказали, что те, кто вернулся, что видели его мертвым среди трупов, а ему сказали, что видели, как меня расстреляли. Спустя, лет пять тому назад примерно, мне звонит друг, говорит: «Ты помнишь Гюнтера Каценштайна?» Я говорю: «Конечно, помню, он давно погиб». «Он сидит рядом со мной» (Плачет) Я, наверное, чуть не умер. А потом мы встретились, целовались, обнимались. Он в Швеции, он женился там, он тоже окончил институт, он тоже инженер-электрик, но ему уже 85 лет. Вот он приезжал в этом году сюда в гости, уже три раза приезжал. Он мне как брат.

Но общение у нас с ним только на немецком языке, он ведь русского языка не знает. Для него очень было важно, что он со мной там дружил на заводе, потому что какое-то общение было, какой-то переводчик, официальных переводчиков же не было. Для него это была отдушина тоже, потому что они были изолированы от всех.

На заводе было по-разному, были разные люди, там много было бывших коммунистов, которых не посылали на фронт. Они подывали, немножко хлеба давали, там меда, еще чего-нибудь перекусить. А были ярые нацисты, которые могут и ударить, и все что хочешь. Разные были люди. Это скучно. И вообще, очень тяжело об этом рассказывать, если честно говорить, так это стоит нервов. Не хочется вспоминать, может быть, и надо, но не хочется. Это все-таки нервное напряжение, эти воспоминания, они очень несладкие.

Даже когда мы были на заводе за проволокой, и то мои друзья умудрялись иногда что-то нам передать каким-то образом. Там это было намного сложнее, потому что это завод, он же охранялся регулярными войсками, солдатами, и чуть что — стреляли. Дружба сохранилась и после войны, правда, сейчас уже никого нет, слишком много времени прошло. Они были такие же, как я, может, старше, младше, 79 лет мне уже — это немало, тем более, мое поколение — им досталось в полной мере все, и советский строй и все прочее. Мне повезло, у меня были, есть еще хорошие друзья, у меня хорошая жена, хорошая семья, дружная. Так что это, наверное, счастье.

И: Расскажите, пожалуйста, вы пытались бежать из гетто?

Р: Пытался пару раз, бесполезно. Слава богу, остался просто жить, а потом я должен был уйти, у меня договоренность была, меня привезли, и в это время нас зацапали на завод. Этот гауптман, потом он стал оберст, гауптман — это капитан, а оберст — это майор, начальник части, и он был очень хороший человек, можно прямо сказать, он очень хорошо ко всем относился, там же даже дети были

в лагере. Если вы видели фильм «Список Шиндлера», видели? Так вот то же самое было на нашем заводе, он не отдавал ни детей, ничего. И даже когда их увезли в Германию, они попали в какой-то концлагерь, так вот он несколько человек оттуда сумел вытащить.

И: Расскажите подробнее об этом человеке.

Р: Это был немецкий офицер. Я думаю, он предан был, преданный офицер немецкий, вместе с тем, он очень хорошо относился к людям разной национальности, в том числе и к евреям. Он их по мере возможности защищал, не отдавал. То, что он мог, он делал, он не мог нас накормить хорошенько всех, он не мог нас одеть, как полагается, но обстановка была разная. Там же были и нацисты заядлые среди солдат и офицеров, были и коммунисты бывшие, которые очень хорошо относились, разные. Он держал все в своих руках, он, практически никого не отдал в СС на уничтожение.

И: Из тех, кто работал на заводе?

Р: Из тех, кто работал и жил на заводе, там же жили семьями, там же были с маленькими детьми.

И: Какой это был завод?

Р: Это был радиозавод в Минске, территория радиозавода. Эта была немецкая воинская часть, задача которой был гарантийный ремонт и ремонт приемников для немецкого высшего состава и еще занимались ремонтом радиоаппаратуры, но туда нас не допускали. А я что, у меня же не было специальности, потом я чему-то научился, приемники мы уже ремонтировали, а в этот цех, где военная техника, нас не очень то и пускали. Там ремонтировали приемники к танкам и к самолетам. При всем желании я бы не смог ремонтировать, не было ни знания, ни опыта. А электриком, вот Каценштайн немножко меня учил, лампочку, свет починить, еще там что-то. Началась война, мне было четырнадцать лет, потом было пятнадцать, а когда мы убежали, мне было восемнадцать лет, еще тоже, в восемнадцать лет я встретил ее, мою жену, один раз на всю жизнь. Так тоже повезло, я, наверное, счастливый в этой части.

И: Расскажите, вы тоже жили на этом заводе?

Р: Да.

И: А ваша семья?

Р: Это очень интересная история. Когда нам сказали, что мы должны идти и забрать вещи и что мы будем жить на заводе, у меня на руках были швейцарские часы (называет марку часов), очень хорошие и дорогие, почему-то, у меня их не забрали. Я сказал тому, кто у нас руководил, ты заберешь моих родителей, а я отдам тебе часы. Ганс Вольф, он был вроде бы и солдат, но у него были очень высокопоставленные родственники в рейхе, и он нами командовал. Я говорю, Вольф, если вы заберете моих родителей, я вам отдам мои

часы. Он сказал, хорошо. То есть, он мог просто их забрать, сказал бы, снимай, и все. То есть, я за часы на какое-то время их спас.

И: Когда это было?

Р: Это был 43-й год, октябрь 43-го года.

И: Перед уничтожением гетто?

Р: Да. Они же сказали, гетто ликвидируется, его больше не будет. Они не сказали, что их убивают, они сказали, что их переселяют в другой город. Но знаете, это агитация, открыто же не говорили. Мы взяли вещи, зимние вещи, все, что могли. Во время войны это не являлось ценностью, это необходимость. Ценность была одна только жизнь. Так что, за часы можно купить несколько жизней. Я удивился только потом, потом я понял, что ему же ничего не стоило сказать, снимай, и никуда не денешься. Вот такие дела.

И: Где вы брали продукты?

Р: Продукты? Немножко меняли через проволоку, давали паек — 150 граммов смешанного хлеба со свеклой. А на объекте, когда мы работали, на электростанции, нам давали тарелку супа, там несколько крупинок плавало, никаких жиров, ничего прочего. Я говорю, крапиву собирали все. Отец у меня работал тоже в воинской части, он приносил домой очистки картофельные, вот картофель чистили, а очистки оставались. Их тщательно мыли, пропускали через мясорубку и получались такие оладьи очень вкусные, тогда были вкусные. Потом, там была воинская часть довольно большая, они кости выбрасывали, суп варили, а кости выбрасывали, он приносил. У нас эти кости варили раз десять или больше, пока там в них ничего не оставалось. Варили, варили и доедали. Многие умирали от голода, что ж, как кому повезет. Мне иногда приносили мои друзья хлеба немножко, сала кусочек, но это не спасало от голода, я же говорю, постоянно чувство хочется кушать, все время. Стараться об этом не думать. Вы же поймите, что гетто было построенное для уничтожения, не для жизни, а для уничтожения. Весь смысл был, так и получилось, уничтожить, убить. До этих акций все равно, я же говорю, каждый день кого-то убивали, кто-то умирал, все время возили на кладбище. Это не интересная история, и, честно говоря, мне больше не хочется об этом говорить.

И: Скажите, в гетто людям оказывалась медицинская помощь?

Р: В гетто была больница, в которой практически не было медикаментов, но были врачи. По мере возможности оказывали, перевязуют, там что-то еще, а потом немцы расстреляли всех врачей в больнице и всех, кто там лежал, тоже в один из дней. В гетто был даже маленький детский дом, дети без родителей, их тоже расстреляли всех.

И: У вас были какие-то опознавательные знаки?

Р: У тех, кто из Германии, звезда шестиконечная здесь, на уровне сердца, а из Беларуси — круглая желтая такая, кружок тоже на уровне сердца и сзади. Пару человек застрелили у нас, не понравились — застрелили, а целиться очень удобно, ярко.

И: *У немецких евреев в гетто были лучшие условия, чем у белорусских?*

Р: Хуже. В сто раз хуже. Во-первых, у них была двойная ограда, у нас еще можно было что-то выменять, какую-то шмотку на кусок хлеба, у них такой возможности не было, они просто умирали с голода. А мы им ничем помочь не могли, у нас тоже ничего не было. То есть, колючая проволока. Они умирали с голода, их расстреливали, их в основном в Тростенце расстреливали, знаете Тростенец, да?

И: *Вы про это узнали после войны?*

Р: Ну конечно. То есть то, что их уничтожали, мы знали, но где? Вот, отца брата везли в Тростенец, он прорезал брезент, выскочил, убежал, потом его продали, немцам сказали, где он, его повесили. Поселок Смиловичи, там его повесили. Так нам передавали, но... (пауза). По матери я должен был быть в гетто, по отцу нет. А были все вместе.

И: *Расскажите, пожалуйста, вы слышали о движении сопротивления в минском гетто?*

Бывший узник Минского гетто из Дюссельдорфа Гюнтер Катценштайн рассказывает молодежи о своем прошлом. Минск, 20 октября 2008 г.

Р: Да, я общался с некоторыми. Мы доставали оружие, пистолеты, наганы передавали для них, помогали газеты разбрасывать, распространять, доставали шрифт каким-то образом. У меня были друзья, которые могли достать лекарства. Знали, конечно, в большей мере, в меньшей мере. Но это же нельзя было рекламировать, это было очень опасно, собственно, жить в гетто было опасно.

Ведь хороший друг — ближе чем родственник, вы знаете, никогда не задумывались? Друг — это самое главное в жизни, если он есть. Правда, у меня их почти не осталось, а новых заводить в моем возрасте невозможно, не тот менталитет, это в молодости, в юности находишь друзей. Сейчас тоже, я вот недавно нашел, есть такой Лев Славин, знаете? Он кинорежиссер, оператор, вот недавно фильм сняли, засняли на пленку мою встречу с Каценштайном. Мы сидели на диване, беседовали. Собираются делать фильм такой, называться будет «Две судьбы». Вот два человека, один из Германии, один отсюда, вот они все, что пережили, остались у нас общие воспоминания.

У меня было много друзей настоящих, сейчас уже никого нет, все умерли, слишком много лет прошло. Поздно мы начали этим заниматься, и в памяти не все. Если бы этим занимались лет тридцать назад, когда мне было пятьдесят, и друзья мои еще живы были, вот другое дело. А сейчас... Иногда вспоминается, что-то снится, вот тебя убивают, стреляют там, последнее время чаще и чаще. С возрастом это, наверное, болезненнее, воспоминания становятся болезненнее.

И: Можете рассказать, что это за сны?

Р: Мне снятся погромы, снится, что меня убивают, снится, что меня расстреливают, снится, что я пытаюсь убежать, убегаю, убегаю, и никуда не могу убежать, снятся друзья, которых нет в живых, они со мной разговаривают. Я во сне удивляюсь, почему я с ними встретился: «Вас уже нет», «Нет, мы есть». То есть, понимаете, пока я жив, мои родственники и друзья еще живы, я говорю, пока я жив, они есть, а когда меня не будет, их не будет, все, никому вспоминать.

Когда мне было сорок лет, у меня было очень плохо с сердцем, врач районный говорил соседям, что я вот к нему прихожу, но его вылечить уже невозможно, он доживает, это я. Я вызывал скорую, мне делали укол обезболивающий, я брал лыжи, шел кататься, бегал. Потом через двадцать лет мне встретила врач. «Я не понимаю, я помню ваше сердце». Я говорю: «Я его восстановил нагрузкой, всем прочим». И все.

А мне хотелось жить, мне хотелось, чтобы дети окончили школу, окончили институт, вот я думаю, вот доживу хотя бы, чтобы стар-

ший кончил институт, потом, доживу хотя бы, чтобы младший кончил школу, потом чтобы младший кончит институт, потом, даст бог, пойдут внуки, хотелось бы посмотреть, как это. Понимаете, все хочется. С возрастом желания не исчезают, они наоборот увеличиваются, потому что знаешь, что меньше остается. Основная часть всей жизни уже прожита, хоть все интересно, все хочется, вот, и даже работать хочется, интереснее с людьми общаться и свои знания передавать каким-то образом, накопилось же в жизни много.

И: Расскажите, пожалуйста, когда вы были в гетто, что делала ваша мама?

Р: Оставалась в гетто. Ничего не делала, и младший брат с ней был, тоже ничего. Во время погрома прятались, делали, так называлось у нас, малины, под землей убежище, сверху маскировка, и там сидели, и я несколько раз с ними, я же не всегда на работе был. Однажды был погром, четыре дня был погром. Мама была сердечница, ей стало плохо, мы вылезли из этого убежища, залезли на чердак, там такие кирпичные были лежаки, за них спрятались, и два дня сидели. Потом какие-то немцы шли с еврейскими полицейскими, посмотрели, залезли наверх, сказали: «Здесь никого нет». Они нас не увидели, мы остались живые, иначе нас не было бы тоже. А отец был на работе, их тогда не привели, не пустили. Они думали, они придут, а уже никого нет. Но, как оказалось, что мы есть.

И: Расскажите, пожалуйста, где вы ночевали на заводе.

Р: Были бараки, специальные бараки были, два вида. Одни внизу, кто раньше жили, специалисты, а мы наверху, рядом с железной дорогой, там ветка. Стояли койки, и мы там жили, не только ночевали. Между собой общались там, в помещении, в бараках.

И: Можете вспомнить самое страшное воспоминание?

Р: Страшно, когда тебя расстреливают, но не чувствуешь страха, нет боязни, ну, не веришь, что тебя хотят убить, не веришь ты. Страшно было, когда я очнулся, оказалось, что я живой лежу, среди неживых, это очень страшно, я не знал, почему это так получилось. Страшно во время погрома, когда всех подряд убивают, но мы прятались, а если не удалось спрятаться... Страшно идти по улице, когда валяются трупы разного возраста, и дети, и взрослые — это страшно. Все.

Я вам скажу, что этот разговор для меня — очень тяжелое испытание, это психологически очень трудно, и не хочется вспоминать, и не хочется об этом думать, и ночью будет сниться сегодня. У меня нормальная психика, но все-таки это очень тяжело, не хочется думать, вспоминать, кажется, ушло и ушло. Я понимаю, что это нужно, для других это нужно, иначе я бы не согласился.

И: Расскажите, пожалуйста, про момент освобождения.

Иосиф Грейфер вместе с бывшим австрийским узником Минского гетто и лагеря смерти Тростенец Альфредом Зайлером. Минск. Историческая мастерская 2007 г.

Р: Нас собирались вывезти, нас передали эсэсовцам и загоняли в эшелон, в это время налетели бомбардировщицы, малые бомбардировщики такие АН-2, если вы знаете, что это такое, и начали бомбить. Началась паника, и все начали разбегаться, и те же эсэсовцы. Мы, группа человек 12—15, я уже не помню, побежали в поле, там была рожь или пшеница высокая, мы туда залегли и лежали, почти трое суток. Потом, это на горе где-то было, потом смотрим, летают советские самолеты со звездами, в них не стреляют. Значит, немцев нет. Послали моего брата маленького в деревню, а там солдаты, говорит, там вроде и советские солдаты, но с погонами. Мы же не видели солдат в погонах. Увидели, спустились вниз, нас стали обнимать, кормить, целовать, и мы пошли в город, было 3 июля, вошли танки наши. Мы зашли к соседу нашему бывшему, побыли один день, потом немцы прорвались, и целая колонна попала в Минск, мы бегом попали в Борисов. А потом вернулись, но освобождение вот было 3 июля, когда Минск освободили. Думали, что все уже кончилось. А потом началось, соседи нам помогли, друзья помогли, нас приодели, у нас же ничего не было, покормили, и тут же пошли мы работать, уже 5-го числа я уже работал. Уже нам что-то выплатили, дали какие-то продукты. У меня стаж какой трудовой, посчитайте, с июля 44-го года. И все.

И: А что случилось с Гюнтером после освобождения?

Р: Гюнтер же не успел сбежать с эшелона. Их отвезли в Германию, потом они попали в концлагерь, и освободили их в 45-м году англичане.

И: Наблюдали ли вы за процессами, которые происходили в Германии по отношению к нацистам, Нюрнбергский процесс, процесс в Аушвице?

Р: Безусловно. И даже в Минске тоже были процессы, знаете вы об этом? Тоже судили, несколько человек повесили, ярких фашистов. Конечно, наблюдали, это же интересно, это жизнь, у меня даже есть хроника Нюрнбергского процесса, две книжки.

Это было на улице Первомайской, напротив Парка Горького, там пять человек их вывезли, поставили машины, поставили виселицы, и потом по команде, зачитали приговор, эти машины тронулись, а они остались висеть, и все. Очень много народа было, очень много.

И: Какие у вас были чувства, когда вы это видели?

Р: Никаких, меня это не радовало, я вообще против убийства людей в любом случае, мне это не нравится, это не доставляло мне удовольствия и радости тоже, хоть и любви к этим людям у меня тоже не было. Я не считал их хорошими людьми, но я не думал, что надо так уничтожать, я не знаю, может быть, неправильно, но я против, и тогда был против.

И: Насколько был разрушен Минск?

Р: Наверное, процентов на девяносто. Там ничего не осталось, единичные здания остались. Единственное, Минск можно было восстановить, были каркасы старых зданий и толстые стены. Украинцы восстановили свои старые площади, Польша восстановила, и Минск можно было, старый Минск можно было частично восстановить, и нужно было. Хотелось бы видеть еще и довоенный Минск.

И: Скажите, пожалуйста, как в советское время относились к жертвам Холокоста?

Р: А не было жертв холокоста, политика была такая, что евреев не было, были беларусы, жители, уничтожили беларусов, а не евреев, это скрывалось, это была политика закрытых глаз, не видишь, поэтому не было Холокоста.

И: По вашему мнению, как должны относиться молодые люди к воспоминаниям о Второй мировой войне?

Р: Хотелось бы, чтобы с вниманием и сочувствием, но получается так себе. Молодые люди многие не знают, что произошло во время войны, не знают и все, до них не дошло это, так же, как и до нас, до войны не доходило, что происходит в Германии, не знали мы и все.

И: Расскажите, пожалуйста, что вы делали после войны, чтобы справиться со своими воспоминаниями?

Р: Очень много работал и очень много учился. Не оставлял

места в голове для воспоминаний — единственное, что я мог сделать.

И: Вы можете вспомнить, когда впервые после войны Вы почувствовали себя счастливым?

Р: Когда увидел жену. Она приехала осенью из Харькова, поступила в институт. Я увидел, идет по улице во дворе такая девушка. Тут же влюбился с первого взгляда. Это было громадное счастье, я не мог минуты быть без нее, мы встречались. Я из-за нее окончил институт и сдал экстерном, потому что она была на третьем курсе, а я еще никто, а я хотел быть равным, поэтому я учился, занимался и окончил, хотел быть таким же. Она была из культурной семьи, я тоже. Самое счастливое в моей жизни, достаточно счастья, если оно продолжается шестьдесят лет. Как вы считаете? По-моему, да. Мы воспитали хороших детей, воспитали хороших внуков — это тоже счастье, я так думаю. Преданы друг другу все — это тоже важно, они так воспитаны. Вот и все.

*Интервьюеры: Алеся Беланович и Имке Хансен. г Минск, 2005 г.
Подготовлено к печати Алесей Беланович.*

Соловьёва Надежда Андреевна

1923 г. г. Минск. Образование высшее.

Год присуждения звания Праведник народов мира: Надежде Соловьёвой и ее матери Анне Крезю — в 2000 г.

И: Надежда Андреевна, этот дом, в котором вы жили на улице Обойной до войны, он сохранился?

Р: Нет. Когда уже после войны мы с мужем ходили, там видели построенные одноэтажные дома, они остались, а туда дальше — там уже ничего нет.

И: А как выглядел дом, в котором вы жили?

Р: Одноэтажный дом, деревянный, старый дом. У нас во дворе была еврейская синагога. Внизу было полуподвальное помещение, а наверху, приходили и молились евреи. Днем, дети играли (смеется). Туда приходили нарядные женщины и мужчины. Женщины наверху, на втором этаже молились, а мужчины — на первом этаже. Вот они так молились.

И все приходили к нам во двор. А потом, когда, были какие-то праздники — была маца, потом давали тушить нам свечки. Нам было интересно. Детям всегда интересно.

И: А на каком языке говорили? На идиш или на иврите?

Р.: Не на иврите, а на обыкновенном. Идиш.

И: А вы понимали?

Р: Понимала. Я же с рождения с ними была, так у нас даже хозяйский зять, дети играют, а я что-то говорю, говорю, а он подошел и поцеловал меня за то, что я знаю их язык. Зять хозяйки, у которой мы снимали квартиру. Здесь получалось так, что те дети, которые более состоятельные — учились в другой школе, а беднота еврейская — они учились в 26-й еврейской школе, может она и теперь где-то есть. И получилось так, потом уже, когда эту нашу синагогу разрушили, а вернее не разрушили, просто людям не было где жить, что-то их выселили куда-то, а там досками перегородили и сдавали людям. Жили цыган с цыганкой какие-то и жили другие какие-то бедные люди. И была у нас еще семья: двое маленьких детей у них, а он делал вешалки и сам эти вешалки продавал. На это и жили. А дети разговаривали только на еврейском языке. И вот помню такой случай, когда мама послала одного мальчика и сказала ему по-русски, какую крупу надо купить. И он всю дорогу шел и повторял, а потом дошел и забыл название. Пришел и не купил, так она очень рассердилась.

Знаете, все школы были в основном белорусские. И разговаривали на белорусском языке. А вот у нас, например, была еврейская и польская школы. И дети учились в той школе, в которой они хотели. Моя мама меня отправила в русскую школу на улице Ленина, далеко было ходить.

И: Вот вы рассказывали, что рядом с вами жили цыган и цыганка, расскажите о них подробнее, пожалуйста. Как к ним относились?

Р: Моя мама со всеми дружила. И она вот цыганка Фрося, а его Август звали. Где-то даже фотографии такие маленькие есть. Им дали комнатушку, у них была эта комнатушка, перина, подушки. И они ходили вдвоем на стройку работать.

И: Так они не были кочевыми?

Р: Нет, нет, нет. Они работали, тяжело работали где-то на стройке. И они с мамой моей дружили, мама со всеми дружила, у мамы моей был очень хороший характер. Вы понимаете, я вот почему так решила, вот она никогда не говорила, кому она помогла или кому она сделала добро. Она была очень хорошим человеком.

А потом получилось так, когда организовали гетто, я же в школе училась на Юбилейной площади и 10-й класс заканчивала, и с девочками дружила. И там Маша была, она жила возле Юбилейного базара, и она тогда мне сказала. Тогда, уже пришли немцы и повесили везде объявления, какие улицы будут еврейские районы, какие улицы — русский район. Они все это повесили, но 5 дней или сколько-то, когда вот переселялись всех, я приходила к ней. И она приходила ко мне.

И Маша говорит, знаешь что, ты поговори с мамой, вы же вдвоем сейчас, а теперь вы уезжаете отсюда, вы придете в другой район, в котором вас никто не знает, а война же вечно длиться не будет. Так она говорит, так пусть он, маленький мальчик, с вами проживет.

И: А как ее фамилия?

Р: Глиот. Маша Глиот. У нее была сестра, мама и отец. Я с ними дружила, ходила к ним. И вот она говорит, чтобы я поговорила с мамой. Я и говорю маме, что так и так. А она говорит, ну, хорошо, давай. Нас перевезли уже на новую квартиру. Я тогда пришла сюда, к Юбилейному базару, здесь они как раз жили. Скученность людей была такая! Я взяла его на руки, он маленький ведь был. Дедушка и бабушка его там уговаривали. Я его взяла и принесла домой. Мама говорит, ладно. И он, значит, у нас остался.

И: А сколько ему было лет? Какого он года рождения?

Р: 40-го. Он не ходил еще, он еще маленький совсем был. 1940-го года рождения. Так вот, Леня остался у нас.

И: Как хорошо вы знали семью Маши Глиот?

Р: Мы вместе учились. Дружили между собой, а потом уже, когда можно было ходить, проволоки еще не было в гетто. Мы ходили. А потом уже проволокой обнесли, и тогда уже не очень пойдешь.

И: У меня вопрос на уточнение. Вот здесь написано о женщине, которую зовут Лея Рудерман, это мама Леонида? А у Маши фамилия Глиот, она была кто Леониду?

Р: Двоюродная сестра. Значит, когда я забрала Леню к себе, она пришла к нам и принесла два письма.

И: А вы знали лично Лию Рудерман?

Р: Ну, тогда и познакомились. Они жили на другой улице, а за мужем она вообще была не в Минске. Она оставила у нас два письма. Одно письмо она написала мне. Она пишет, что наша фамилия такая-то, отца и имя отчество, все написала, где жили, где он служил, в общем, она все написала о себе и о нем в этом письме мне. А второе письмо написала своему мужу. Все описала. И, вот, эти письма Лене этому я отдала, у него есть эти письма.

И: А что случилось с ее мужем?

Р: Его призвали в армию, он служил. А после войны, когда стали разыскивать оказалось, что он погиб. И мою маму назначили опекуном Лёни. Стали пенсию платить. И Леня у нас был. Потом он пошел в школу. Были какие-то дальние родственники, хотели взять его, а мама говорила, что тяжелое время пережили, пускай и сейчас живет с нами. Он окончил школу, 10-ку, потом мой отчим его устроил после 10-го класса на курсы, и он ремонтировал счетные машины. Он все время этим занимался. А он потом нашел себе девушку, женился.

И: Я хочу у Вас узнать больше про Лию Рудерман. Она, не зная Вас, решила оставить у вас своего сына. Она объяснила, как и почему пришла к такому решению?

Р: Когда загородили всех в гетто и стали постепенно убивать, все было ясно. Она там и пишет в письме, что ее жизнь закончена, что когда-либо ты вернешься и с сыном вспомнишь меня (плачет навзрыд). Очень трогательное письмо.

И: А как выглядела эта женщина?

Надежда Крезю и Лёня Рудерман. Минск, февраль 1943 г.

Р: Красивая молодая женщина.

И: А сколько ей было лет?

Р: Я не знаю, может быть 20 с чем-то. Молодая женщина, выглядела хорошо. У Лёни есть фотографии и два ее письма. Ее письма у него.

И: Надежда Андреевна, я хотела еще у вас узнать: когда вы взяли Лёню ему был один год, была оккупация, было очень тяжело, как вам удалось выжить?

Р: Вы знаете, что, у нас был патефон и было много разных пластинок. Каким это образом получилось, я не знаю, но в то время какой-то испанец, он был в армии немецкой, как он попал к нам домой не помню. Но, он для Лени приносил молоко. А приходил он к нам чего? У нас был патефон, а ему хотелось слушать родную речь. И вот этот солдат приходил к нам, и, бывало, сидит и крутит музыку и свои песни на испанском языке. Соседи ничего не знали, но стало известно, что Леня еврейский мальчик. И к нам пришли два полицейских. Мама моя не испугалась, а вот ее муж напугался, а Леня маленький сидит. Они сказали, что еврейского мальчика надо отдать. Мама их угостила и все такое. Но они сказали, вы его отдайте назад. Я не знаю, как и что, или его родители, или кто-то помог, но больше они не приходили.

А Леню мы решили отдать, рядом с нами была семья. Отец был под Воложином лесником, и мама договорилась, что они возьмут

Надежда Крезю и Лёня Рудерман. Минск, 1949 г.

его к себе в лес. И он там жил. А потом мы посмотрели, у него все тело покрылось нарывами, и тогда мама его привезла на Немигу к моей тете и он какое-то время жил у моей тети. А потом, все успокоилось, и мы снова взяли его к себе. Я думаю, что это мама, бабушка, дедушка Лени откупились, потому что больше никто не приходил.

И: А как? Они же были в гетто?

Р: Мы жили так: гетто было с одной стороны, а мы жили около гетто, только в русском районе.

И: И вы видели, слышали, что там происходило?

Р: Мы ничего не знали, только догадывались. Только последнее было страшно, когда уже всех убивали: мы жили на горе, через окно была видна эта яма, которая теперь здесь, и как возили, возили, возили убитых людей. Мы из дому, через окно, видели это. А так, что там внутри было, никто так не знал.

И: Я еще хочу узнать, понимала ли ваша мама ту опасность, которая вам грозила за то, что Вы спасали еврейского мальчика?

Р: Все понимала! Все понимала! Леню нашего крестили. Моя тетя была крестная. Чтобы какой-то документ во время войны у нас был. Крестили его.

И: В церкви крестили или дома?

Р: В церкви, при немцах церкви открыли.

И: А вот откуда имя Лёня?

Р: Лёва его звали, это мы уже Лёня стали звать.

И: Я все-таки хочу понять, вы знали об опасности, многие же люди боялись помогать евреям, а вы нет, почему?

Р: Ну, я не знаю! Как-то об этом, Алесенька, никто не задумывался, как оно будет? Что будет? Просто помогали.

И: Это удивительная история! Спасибо вам, Надежда Андреевна, за интервью!

Интервьюер Алеся Беланович.

г. Минск, 2009 г.

Подготовлено к печати Алесей Беланович

«Устная история» и интервью со свидетелями событий на занятиях историей

«Предметом истории является, в сущности, человек, а точнее говоря — люди. Они должны учиться понимать современность через прошлое и наоборот».

Марк Блок

Тема Второй мировой войны на занятиях по истории Беларуси несомненно играет большую роль в образовании молодежи и в школе, и в университете. Но при этом очень часто за изучением боевых событий на фронте и нацистской оккупационной политики на территории Беларуси остается без внимания история «обычного человека», история того, кто пережил войну.

Учебники по истории в первую очередь составляются на основе документов и архивных источников. История Второй мировой войны от этого воспринимается учащимися как что-то оторванное от жизни и современности, как перечень фактов, дат, цифр и событий.

На наш взгляд, идея основателя школы Анналов¹, французского историка Марка Блока, высказанная им еще в 40-е гг. XX века, не теряет актуальность и сегодня. Понимание истории приходит через сопереживание. Сопереживать человек может, главным образом, основываясь на конкретном опыте. В первую очередь, таким опытом может быть встреча с человеком, который лично пережил, пропустил через себя исторические события. Именно такой опыт и проживание истории имеются в виду, когда говорится про «устную историю» в работе с учащимися. Ведь учащиеся лучше всего усваивают то, что затрагивает их эмоции и чувства.

Так что же такое «устная история» и в чем ее значение?

«Устная история»² как термин обозначает способ передачи информации. Это рассказанная история. Как метод — это больше чем рассказ о событиях. Это метод исторического исследования, кото-

¹ Школа Анналов (фр. *École des Annales*) — историческое направление, основанное Марком Блоком и Люсьеном Февром. Эта историческая школа, которая в центре изучения ставила человека и его значение на ход исторических событий, оказала значительное влияние на формирование всей французской историографии на протяжении XX века. Возникло и группировалось вокруг основанного журнала, называвшегося «Анналы» (с 1929 по 1939 гг.).

² «Устная история» (англ. *Oral history*) — научно организованный сбор устной информации у свидетелей событий, зафиксированный специалистами. Концепт «устной истории» был популяризирован в США в 1940-е годы.

рый базируется на свидетельствах участников событий. На постсоветских территориях устная история является особенно ценным источником. Это связано с тем, что в Советском Союзе многие темы являлись темами табу не только для исследователей Второй мировой войны, но и для обсуждения в обществе. Официальная история никак не совпадала с тем опытом, который проживали люди, непосредственные участники, свидетели исторических событий. В таких условиях индивидуальная память или «устная история» становилась необходимой для обретения знаний о тех или иных событиях.

«Устная история» не ставит целью реконструкцию событий на основании свидетельств очевидцев. Устные свидетельства субъективны, они отражают перспективу одного человека во время тех или иных событий истории. «Устная история» рассказывает не столько про факты, сколько про их значение. Устные источники рассказывают не только о том, что люди делали, но и о том, что люди хотели сделать и что они сейчас об этом думают. Фактически, рассказывая историю своей жизни, человек говорит не только о событиях, но и о том, как повлияли они на его жизненный выбор, взгляды и поведение. Именно в этом и состоит особенность и главное достоинство «устной истории». Именно это позволяет приблизиться к осмыслению учащимися роли отдельного человека в истории.

Кроме того, есть вопросы, которые нельзя показать только с помощью документов, например, вопросы повседневности во время войны. В такой ситуации «устная история» помогает восстановлению фактов или дополняет общую картину посредством сравнения документа и интервью со свидетелем событий.

Важность этого метода связана и с недостатком источников личного происхождения, которые бы отобразили отношения между людьми во время нацистской оккупации Беларуси и стратегии выживания. В этой ситуации интервью со свидетелями становится важной возможностью создания такого исторического источника.

Как создается «устная история»?

Для того чтобы рассказанную историю услышать и записать, используется *метод интервью*. Интервью — это творческий процесс, когда учащийся участвует в процессе создания исторического источника. Важным моментом является то, что полученная информация во многом зависит от возникшего диалога, доверительности и гибкости исследователя.

Следует помнить, что «устная история» — это расспрошенная история. Ответ собеседника зависит от того, как ставится вопрос и от содержания вопроса. Собеседник рассказывает только о тех событиях, которые есть в его памяти. То, что рассказывает собеседник, могло быть услышано им от кого-то другого или могло быть

пережито им лично. Основным интерес при проведении интервью вызывают рассказы о ситуациях, пережитых непосредственно свидетелем исторических событий.

В интервью можно узнать не только об отдельных событиях из жизни человека, но и о том, какие чувства он при этом испытывал, что было для него самым важным, какое значение те или иные события имели для всей последующей жизни.

Перед интервью со свидетелем событий необходима следующая подготовка: определение темы, составление вопросника, подготовка диктофона для работы. Обычно интервью проходит в доме собеседника. Так как большое значение имеет то, чтобы собеседник чувствовал себя комфортно и был в знакомой для него обстановке. Важно договориться о встрече предварительно, можно сначала прийти на встречу для знакомства и рассказать собеседнику для чего и в каких целях будет использоваться интервью с ним. Тогда нужно получить согласие собеседника и договориться о следующей встрече для интервью.

При работе со свидетелями событий по методу «устная история» можно использовать полуоткрытую форму интервью. Немецкий специалист «устной истории» Александр фон Плато предлагает использовать в полуоткрытом интервью следующие 4 фазы:

1. *Фаза открытого интервью начинается вопросом: «Уважаемая/ый ..., расскажите, пожалуйста, про вашу жизнь».* Эта фаза может быть очень разной по протяженности: иногда собеседник может подробно рассказывать свою биографию и жизненный путь, некоторым для этого может хватить 15 минут. Важность этой фазы заключается в том, что для интервьюера это возможность узнать факты из жизни человека, о которых можно будет задать вопросы в дальнейшем и отметить то, что осталось непонятным или неясным. Во время этой фазы интервьюер делает записи, которые ему в дальнейшем помогут для проведения интервью.

2. *Фаза уточняющих вопросов:* около 10–15 минут, во время которой можно уточнить событие или дату, или то, что было непонятно во время рассказа очевидца.

3. *Закрытая фаза интервью:* проводится исходя из подготовленных вопросов, где используется вопросник. Даже если Вас интересует только определенный период времени из жизни собеседника (например, Вторая мировая война) важно задать вопросы, которые помогут проследить жизнь человека от его рождения до настоящего времени. Главное задание «устной истории» заключается в том, чтобы собеседник вспомнил и рассказал о тех событиях, которые еще не были высказаны и рассказаны. В такой ситуации очень важна доверительная атмосфера и заинтересованность интервьюера.

4. *Заключительная фаза:* где предполагается обмен мнениями или дискуссия. Это также возможность поблагодарить человека, который согласился дать интервью и высказать свои чувства и мысли об услышанном.

Такое интервью может длиться максимально до 3 часов. Поэтому важно предупредить собеседника об этом заранее. Интервью записывается на диктофон и впоследствии делается письменная транскрипция интервью, то есть дословная запись. Во время интервью важно записывать эмоции человека и в дальнейшем внести эти записи в текст транскрипции (например, «плачет», «смеется» и т.д.).

Собранный школьниками материал может стать ценным источником для изучения влияния событий Второй мировой войны на отдельного человека. А занятия по «устной истории», сбору и обработке, а также обсуждению интервью между школьниками – темой факультативов по истории.

Важным является то, что в ходе интервью происходит встреча разных поколений. Старшее поколение радо видеть внимание и интерес со стороны молодого поколения. Делясь своими личными историями, открывая их молодым людям, свидетели военных событий передают так же и свой ценный жизненный опыт.

Алеся Беланович

Пример вопросника для интервью со свидетелями Второй мировой войны

Происхождение, семья, детство

1. Где и когда вы родились и выросли?
2. Расскажите, пожалуйста, о вашей семье: сколько человек было в вашей семье?
3. Какие политические взгляды были у ваших родителей? Совпадали ли они с вашими взглядами?
4. Какое вы получили образование до войны?
5. Какого вы вероисповедания?
6. Самое яркое впечатление вашего детства?
7. О чем вы мечтали в детстве?
8. Как Вы любили проводить свое свободное время?
9. Кто был ваш лучший друг в детстве? Как сложилась его судьба?
10. Помните ли вы свою первую учительницу? Первую любовь?

Довоенный период

1. Расскажите, пожалуйста, о вашей жизни перед началом войны. Что Вы знали о политической ситуации в Европе?
2. Что вы знали о Германии и о политической ситуации в этой стране?
3. Какое у вас было мнение о Германии?
4. Что вы знали о сталинских репрессиях и лагерной системе в СССР?
5. Что вы слышали про нападение Германии на Польшу?
6. Где и как вы узнали о нападении Германии на Советский Союз?
7. Предполагали ли вы, что может начаться война?
8. Сохранились ли у вас какие-либо свидетельства о начале войны?

Оккупация в Беларуси

1. Где вы находились во время войны?
2. Сколько лет вам было на тот период?
3. Опишите, пожалуйста, повседневную жизнь под оккупацией.
4. Какими были условия жизни: еда, одежда, бытовые условия?
5. Какими были отношения между местными жителями?
6. Что вы можете рассказать о политике нацистов по отношению к местному населению?
7. Как до войны относились к психически больным людям? после войны?
8. Оказывалась ли вам во время войны медицинская помощь?

9. Что было для вас самым тяжелым во время оккупации?
10. Что вам помогло выжить?

Освобождение

1. Расскажите, пожалуйста, о вашем освобождении. Кто освободил вас?
2. Как происходило освобождение? Какие чувства вы испытали?
3. Как повлияла война на ваше здоровье?
4. Кто заботился о вас после освобождения?
5. Как вы адаптировались к мирной жизни?
6. Как относились к вам потом в СССР?
7. Как сложилась ваша дальнейшая жизнь в СССР?
8. Возникали ли у вас трудности, связанные с Вашим прошлым? Какие?

Жизнь после войны

1. Где вы жили после войны?
2. Кто и чем помогал вам после войны?
3. Чем вы занимались в послевоенные годы?
4. Какие трудности были при поиске работы и жилья?
5. Оказывало ли государство какую-либо поддержку и помощь?

1991 год — современный период

1. Как распад СССР повлиял на вашу жизнь?
2. Как государство относилось к вашим проблемам?
3. Рассказываете ли вы своим детям и внукам о войне?
4. Что означают для вас воспоминания о войне?
5. Изменилось ли ваше отношение к Германии и немцам?
6. Существует ли у вас потребность говорить о вашем прошлом? С кем вы можете говорить об этом?

Дидактические предложения по работе с интервью и воспоминаниями

Для работы и обсуждения с учащимися темы Холокоста с помощью представленных в книге интервью и воспоминаний со свидетелями Второй мировой войны преподавателю можно воспользоваться следующими дидактическими предложениями.

Первый вопрос, который может возникнуть у читателя: какая разница между интервью и воспоминанием? Воспоминание — это описание и публикация истории жизни самим автором, или жизненная история, записанная с его слов другим человеком. Интервью же является совместной работой между двумя людьми: тем кто рассказывает о своей жизни, и тем, кто слушает, задает вопросы и тем самым открывает новые взгляды о прошедших событиях и отношения свидетеля к ним. В интервью важна дословная запись-транскрипция, которая не подвергается стилистической обработке и сохраняет аутентичность интервью. Еще одно важное отличие заключается в том, что собеседник, человек, который берет интервью, обладает возможностью активного участия. Это выражается в том, на какие вопросы интервьюер хочет узнать ответы и на какие вопросы собеседник готов отвечать.

Работа в классе может быть организована следующим образом: одна группа работает над интервью с Иосифом Грайфером, другая — над интервью с Надеждой Соловьевой, третья — над воспоминаниями Михаила Трейстера, а четвертая — над воспоминаниями Раисы Семашко.

Интервью с Иосифом Грайфером, как и воспоминания Михаила Трейстера передают обстоятельства жизни в Минском гетто во время нацистской оккупации Беларуси. Эти устные источники показывают повседневность жизни в Минском гетто глазами малолетних узников, которым удалось выжить, что дает возможность для сопереживания и осмысления войны с позиции «маленького человека».

Для работы над интервью с Иосифом Грайфером предлагаются следующие вопросы:

1. Какие темы доминируют в воспоминаниях Иосифа Грайфера?
2. Что Иосиф Грайфер рассказывает о своем детстве и семье?
3. Как изменилась жизнь семьи с началом войны?
4. Как описывает Иосиф Грайфер жизнь в Минском гетто?
5. Что рассказывает Иосиф Грайфер о западноевропейских евреях в Минском гетто? О Гюнтере Катценштайне?

6. Что помогло ему выжить и спасти свою семью?
7. Какие жизненные ценности важны для Иосифа Грайфера?

Вопросы для работы в группе над интервью с Надеждой Соловьевой:

1. Какие особенности довоенной жизни в еврейском районе Минска можно узнать из интервью?
2. О каких изменениях в повседневной жизни Минска во время оккупации рассказывает Надежда Соловьева?
3. Какой опасности подвергала себя Надежда и ее мама, спасая еврейского мальчика?
4. Что рассказывает Надежда о гетто?
5. Что помогло им спасти Леню Рудермана?

По аналогии могут быть подготовлены вопросы к воспоминаниям Михаила Трейстера и Раисы Семашко.

Далее группы представляют свою работу на общее обсуждение. Для подведения итогов можно обратиться к классу со следующими вопросами:

1. Что такое гетто и что о жизни в гетто вы узнали из интервью с Грайфером и воспоминаний Трейстера?
2. Что помогло им выжить?
3. Что такое Холокост?
4. Что общее можно выделить в истории Раисы Семашко и Надежды Соловьевой?
5. Что такое Праведник народов мира?

Так как в пособии представлены интервью и воспоминания двух узников Минского гетто и двух праведниц, важно проанализировать стратегии выживания и особенности каждой индивидуальной истории. Методически здесь могут быть введены формы творческого письма или эссе, в котором впечатления от интервью со свидетелями и воспоминаниями должны подвести учеников к собственному осмыслению материала в письменной форме. Затем необходимо предложить школьникам выступить с этими текстами и обсудить их. Формы текстов могут быть различными:

- статья в школьной газете;
- военная история собственной семьи;
- письмо свидетелю событий, и т.д.

Таким образом, школьникам дается возможность осмыслить и проанализировать историю Холокоста с позиции жертвы, человека обреченного нацистской идеологией на уничтожение.

С помощью материала, представленного в **первом разделе** пособия, организуется обсуждение следующих ключевых вопросов:

- жизнь и выживание в гетто;
- цели и практика нацистской программы преследования и уничтожения евреев;
- продвижение вермахта, оккупационная политика гражданского руководства, деятельность СС и полиции в оккупированной Беларуси.

Это тоже может быть работа одной или нескольких групп, которые выработают первые ответы из предложенных материалов, а также приложенного глоссария и представят их всем остальным группам.

Непосредственное личное изложение материала и его усвоение учащимися переносит представленную в учебном пособии историческую реальность в современность и отображается в готовности к личному изложению и осознанности.

Алеся Беланович, Фред Дорн

Раздел 3. Документы и материалы

Из сообщения № 20 оперативной группы «Б» о положении в Минске

г. Минск

12 июля 1941 г.

Минск — столица Белорусской советской социалистической республики. В 1926 году насчитывал 131.803 чел. жителей, в 1939 г. — 237.772 жителя.

Минск обладает значительной индустрией. Центр города в результате воздушных налетов и пожаров полностью уничтожен (разрушен). Частично уцелели здания университета, Дома Красной Армии, оперный театр и Дом правительства.

Менее разрушенными оказались предместья города, где в основном размещаются промышленные предприятия.

Город остался без света и воды. Руководящие политические и государственные работники сбежали.

Настроение среди населения очень подавленное, так как многие остались без крова, а продовольственное положение все время ухудшается. По распоряжению коменданта полевой комендатуры для обеспечения безопасности тыловых коммуникаций и предотвращения актов саботажа все мужское население города в возрасте от 18 до 45 лет арестовано. Гражданские пленные в настоящее время подвергаются проверке.

По последнему сообщению оперативной группы «Б», деревянные дома в западной части города подожжены.

Дома, очевидно, подожжены евреями, так как они должны были освободить дома для возвращающихся белорусских беженцев. Население готово начать погромы. Ярость населения уже вызвала некоторые акции против евреев. За поджог ликвидирована некоторая часть евреев.

11. Порядок в еврейском жилом районе будет поддерживаться еврейской службой охраны порядка (специальное положение о ней последует дополнительно).

12. Еврейский совет гор. Минска полностью отвечает за осуществление приказа о переселении евреев. Лица, не подчиняющиеся этому приказу, будут строжайше наказаны.

Полевой комендант

*НАРБ, ф. 4683, оп. 3. д. 948, л. 80—81; МКФ, арх. № 175, к. 722186—90.
Перевод с немецкого.*

Вопросы и задания

- Каков характер разрушений города Минска?
- Каким видится представителям оккупационных органов положение и настроение населения города?
- Какие карательные меры предприняты германскими органами для обеспечения своей безопасности?
- Какова была направленность пропагандистских призывов и лозунгов в начальный период оккупации?

Памятник более 5 тысячам жертв Минского гетто. Минск, 2008 г.

Распоряжение полевой комендатуры о создании гетто в г. Минске

г. Минск

19 июля 1941 г.

1. С изданием настоящего распоряжения в г. Минске выделяется специальная часть города исключительно для расселения евреев.

2. Все еврейское население города Минска в течение 5 суток после оглашения настоящего распоряжения обязано переселиться в еврейский район. Если кто из евреев после истечения этого срока будет обнаружен вне еврейского района, то будет арестован и строго наказан.

3. Переселяемым разрешается брать с собой свое личное имущество. Лица, пойманные при вывозе или хищении чужого имущества, будут расстреливаться на месте.

4. Еврейский район ограничивается следующими улицами: Колхозный переулок, ул. Колхозная, река Свислочь, ул. Немига, исключая православную церковь, ул. Республиканская, ул. Шорная, ул. Коллекторная, Мебельный переулок, ул. Перекопская, ул. Низовая, Еврейское кладбище, ул. Обувная, 2-й Опанский переулок, ул. Заславльская до Колхозного переулка.

5. После окончания переселения еврейский жилой район должен быть обнесен каменной стеной и огражден от остальной части города. Стена должна быть воздвигнута жителями еврейского района. Для этого используется кирпич из нежилых и разрушаемых зданий.

6. Пребывание вне еврейского района мобилизованным в рабочие команды евреям запрещается. Рабочие команды покидают еврейский район только со специальным направлением к месту работы, выдаваемым Минской городской управой. За нарушение настоящего распоряжения — расстрел.

7. Вход и выход евреям в еврейский район разрешается только по улицам Опанского и Островского. Перелезать через стену запрещается. Немецкой охране и вспомогательной полиции отдан приказ стрелять в нарушителей.

8. В еврейский жилой район разрешается доступ лишь евреям и по служебным делам военнослужащим немецких воинских формирований и сотрудникам Минской городской управы.

9. На еврейский совет наложен заем в 30.000 червонцев на компенсацию расходов, связанных с переселением. Указанная сумма, процентный взнос которой будет урегулирован позднее, в течение 12 часов после оглашения настоящего распоряжения должна быть внесена в городскую кассу управы по ул. Карла Маркса, 28.

10. Еврейский совет немедленно предоставляет жилищному отделу сведения обо всех оставленных евреями квартирах вне еврейского района, которые еще не заняты арийским (нееврейским) населением.

11. Порядок в еврейском жилом районе поддерживают специальные еврейские дружины порядка, приказ о создании которых будет издан в свое время.

12. За окончательное переселение еврейского населения в отведенный район несет ответственность еврейский совет города Минска. Всякое нарушение настоящего распоряжения строжайше наказывается.

Комендант полевой комендатуры г. Минска

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 937, л. 6—7; ф. 359, оп. 1, д. 8, л. 1—2.

Вопросы и задания

- Какая часть населения города должна была переселиться в гетто?
- Что представляло собой городское гетто?
- Назовите ограничения, вводимые для жителей гетто?
- Какие вспомогательные органы еврейского самоуправления были созданы в гетто? Их права и функции?

Протокол Ванзейской конференции, 20 января 1942 года

I. В совещании по поводу принятия окончательного решения еврейского вопроса, состоявшемся 20.1.1942 в Берлине, на озере Ванзее №56/58, приняли участие: [...]

II. Начальник Охранной полиции и Службы безопасности, обергруппенфюрер СС Гейдрих в начале заседания передал поручения уполномоченному лицу о подготовке рейхсмаршалом окончательного решения вопроса европейских евреев и сообщил, что был приглашен на это совещание для внесения ясности в основные вопросы.

Желание рейхсмаршала о предоставлении плана с указанием организационных моментов, вещественных и материальных ресурсов, необходимых для окончательного решения еврейского вопроса, требует предварительного совместного обсуждения представителями всех принимающих непосредственное участие центральных инстанций с учетом необходимости синхронизации действий.

Руководство процессом принятия окончательного решения еврейского вопроса независимо от географических границ возлагается на рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции (начальника Охранной полиции и Службы безопасности).

Начальник Охранной полиции и Службы безопасности провел краткий обзор предпринятых ранее действий, направленных на борьбу с этим врагом. Ключевыми моментами данной кампании являются:

А) вытеснение евреев из отдельных регионов, принадлежащих немецкому народу,

Б) вытеснение евреев из жизненного пространства немецкого народа.

Во исполнение этих стремлений в качестве единственно возможного варианта было принято решение об ускорении и форсировании процесса экспатриации евреев с территории Германии.

По распоряжению рейхсмаршала в январе 1939 года было создано Центральное ведомство рейха по выселению евреев, управ-

ление которым было поручено начальнику Охранной полиции и Службы безопасности. Основными задачами ведомства были:

- А) принятие мер по подготовке ускоренного выселения евреев,
- Б) регулировка и распределение потока переселенцев,
- В) ускорение процесса выселения.

Основной целью деятельности ведомства была очистка немецкого жизненного пространства от евреев на законной основе. Все ведомства имели четкое представление о недостатках, которые повлечет за собой такое форсирование процесса выселения. Однако ввиду отсутствия других вариантов решения они вынуждены были пока смириться с ними. [...]

Между тем рейсхфюрер СС и начальник немецкой полиции, принимая во внимание возможные опасности выселения в период военных действий и возможности восточных стран, запретили выселение евреев.

III. Вместо выселения на этот раз было принято другое решение данного вопроса, которое получило одобрение фюрера, — эвакуация евреев на восток.

Эти мероприятия рассматриваются исключительно как альтернативные, однако позволяют получить практический опыт, наличие которого будет иметь большое значение в связи с предстоящим принятием окончательного решения еврейского вопроса.

В контексте принятия окончательного решения во внимание принимаются около 11 миллионов европейских евреев, которые распределены по следующим странам: [...]

Восточные регионы 420 000

Генерал-Губернаторство 2 284 000

Белосток 400 000

Протекторат Богемии и Моравии 74 200

Эстония — свободна от евреев

Латвия 2 500

Литва 34 000 [...]

Венгрия 742 800

СССР 5 000 000

Украина 2 994 684

Белоруссия, включая Белосток 446 484

Итого: более 11 000 000

Приведенные в данном списке цифры о количестве евреев в этих странах являются лишь предположительными, так как идентификация евреев по расовому признаку там пока еще отсутствует. Обсуждение проблемы с некоторыми странами, в особенности с Венгрией и Румынией, может натолкнуться на определенные трудности ввиду общего отношения и восприятия этой проблемы.

Так, например, в Румынии еврей за отдельную плату может получить соответствующие документы, удостоверяющие его принадлежность к гражданству другой страны. Влияние, которое евреи оказывают на все страны СССР, хорошо известно. На европейской территории проживает около 5 миллионов евреев, на азиатской — без малого 1/4 миллиона. [...]

В контексте принятия окончательного решения евреи под специальным надзором должны быть направлены на принудительные работы на восток. После разделения по половому признаку работоспособные евреи большими рабочими колоннами будут отправлены в восточные страны, причем по естественным причинам, безусловно, произойдет значительное сокращение их численности.

Оставшаяся часть евреев, ввиду того, что это, без сомнения, окажутся наиболее выносливые, должна получить соответствующее к себе отношение, так как после своего освобождения эти евреи, прошедшие естественный отбор, станут зародышами новой еврейской общности. (См. опыт истории.)

В ходе проведения операции Европа будет полностью прочесана с запада на восток. Необходимо предвосхитить ситуацию на территории рейха, включая протекторат Богемии и Моравии, ввиду жилищных вопросов и прочих социально-политических потребностей.

Эвакуированные евреи будут размещены во временных гетто, откуда позже будут отправлены дальше на восток.

Обергруппенфюрер СС Гейдрих продолжил, что важной предпосылкой для проведения процедуры эвакуации является точное определение круга лиц, на которых следует обратить внимание.

Планируется не вывозить евреев в возрасте старше 65 лет; они будут направлены в гетто для стариков, по предварительным планам, в Терезиенштадт.

Наряду с евреями этой возрастной группы — по состоянию на 31.10.1941 из 280 000 евреев, находящихся в старом рейхе и Остмарке, около 30% старше 65 лет — в еврейском гетто для стариков будут размещены евреи, получившие тяжелые ранения в ходе военных действий, и евреи, получившие орден за военные заслуги (Железный Крест 1-го класса). Такое рациональное решение проблемы позволит разом исключить многочисленные интервенции со стороны.

Начало отдельных более масштабных мероприятий по эвакуации будет в значительной степени зависеть от развития военного потенциала. Касательно обсуждения окончательного решения в оккупированных и подвластных регионах Европы предлагается, что уполномоченные исполнители Министерства иностранных дел на этих территориях должны будут обсудить вопрос с ответственным референтом Охранной полиции и Службы безопасности.

В Словакии и Хорватии ситуация больше не является такой сложной, так как наиболее важные ключевые вопросы по этой проблеме уже получили обсуждение. В Румынии правительство также произвело назначение уполномоченного по еврейскому вопросу. Для урегулирования вопроса в Венгрии необходимо в ближайшее время срочно назначить консультанта по еврейскому вопросу.

Касательно работы по подготовке мероприятий по урегулированию проблемы в Италии обергруппенфюрер СС Гейдрих считает уместным установление контактов с начальником полиции.

На оккупированной и незанятой части Франции учет евреев, подлежащих эвакуации, должен пройти без особых препятствий.

Помощник государственного секретаря Лутер сообщил, что при детальном обсуждении проблемы в некоторых странах, в частности в северных государствах, возникли некоторые сложности, и в связи с этим он рекомендует пока отложить обсуждение вопроса с этими регионами. В связи с незначительной численностью евреев, подлежащих учету, такая отсрочка несущественно скажется на масштабах операции.

При этом Министерство иностранных дел не видит особых сложностей с проведением мероприятий в юго-восточных и западных странах Европы.

Группенфюрер СС Хофманн намеревается направить в Венгрию уполномоченного представителя по вопросам рас и поселений для общей ориентировки, если начальник Охранной полиции и Службы безопасности возьмется за урегулирование вопроса. Было постановлено, уполномоченного по вопросам рас и поселений, который не должен активно проявлять себя, временно назначить официальным ассистентом атташе полиции. [...]

Вопросы и задания

- Какие цели преследовало политическое руководство Германии при проведении Ванзейской конференции?
- Определите основные этапы решения еврейского вопроса?
- Назовите количественные данные предполагаемых акций в решении еврейского вопроса.

Депортация евреев из Кёльна в Минск / Тростенец 20 июля 1942 года

Это удивительно, что мы имеем довольно точные сведения о пути следования и ужасной судьбе поезда эшелона Да 219 от 20

июля 1942 года в Минск / Тростенец, из заключенных которого никто не выжил.

Примерно за одну неделю до отправления транспорта эти несчастные также были оповещены «Рейнландским региональным представительством Имперского объединения евреев Германии» о предстоящем «эшелоне переселения». Время и место «явки» и цель депортации не были сообщены: надо было быть наготове. Незадолго до отправления последовало сообщение о времени «явки». Люди должны были прибыть с требуемыми документами: неиспользованными продовольственными купонами, ключом от квартиры в почтовом конверте с точным адресом, различными материальными ценностями, продуктами питания на три дня, 50 рейхсмарками на проезд, т.к. «поездку», которая должна была завершиться их смертью, каждый участник должен был оплатить сам, одним чемоданом, тюфяком с постельным бельем и постельными принадлежностями, одним набором столовых приборов и миской для приема пищи. Но только то, что человек смог бы нести сам. Перед этим надо было сдать точную налоговую декларацию на имущество, пишущее машинки, велосипеды, бинокли и т.д. в специально отведенное место. Так, упорядочено и добросовестно, был организован грабеж, а кто в этом не хотел принимать участие, тот должен был готовиться к «мерам государственной полиции», при этом каждый знал, что это значит. Люди должны были явиться в воскресенье, 19 июля 1942 года, между 10.00 и 15.00 часами в выставочный центр. Похоже, что жителей определенных домов забирали на грузовиках. В павильонах выставки имела место описанная выше унижительная процедура со всевозможными издевательствами. Ночевали на насыпанной соломе на голом каменном полу. Кто там вообще мог спать? В понедельник, 20 июля, переход пешком на вокзал Дойтс-Тиф. Уверенность, сплоченность и оптимизм многочисленных детей и молодежи распространялись также и на других пассажиров эшелона, так что у многих появилось чувство, что они уезжали в неизвестное, но все же терпимое будущее. Да, думалось даже о возвращении в Кёльн. Поезд покинул Кёльн около 15.00.

Житель Кёльна Гельмут Лон, который работал помощником в общинной синагоге и пережил отправление этого поезда, рассказывал нам:

Документ 46

Это был эшелон, который я никогда не забуду. Это были молодые и сильные люди, которые знали, как помочь самому себе. Это был единственный эшелон, где не господствовала скорбь, где господствовало стопроцентное чувство: мы вернемся! Спокойно и четко отправлял-

ся этот эшелон. Вопреки всему напевалась модная песенка. Платформа 5 на этот раз видела не сомневающих, а храбрых людей, которые сознательно взяли свою судьбу в свои руки. И именно из этого эшелона никто не выжил, те, кто могли бы рассказать о своей судьбе. Расстреляли ли их еще по дороге или позже отравили газом? Именно об этих людях мы должны и сегодня, и в будущем сохранить почти-тельную память в контексте истории кёльнских евреев.

Corbach D. 6.00 Uhr ab Messe Köln — Deutz Deportationen 1938—1945. Köln, 1994. S. 157—158. Перевод с немецкого.

Сообщения полиции безопасности и СД

23 сентября 1941 г.

Белоруссия: ...Прочесывание гетто в Минске.

С привлечением полиции службы порядка и при помощи полевой жандармерии в гетто проведена крупная акция. Было арестовано около 2.500 евреев, в том числе женщин. Из них в течение 3-х дней всего подвергнуто экзекуции 2.278 чел.

Речь идет исключительно о саботажниках и еврейских активистах. Среди них, между прочим, находилось очень много тех, кто не носил на одежде предписанные отличительные знаки.

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 1065, л. 190; МКФ. арх. № 175, к. 72379—72380. Перевод с немецкого.

на 1 февраля 1942 г.

...Количество еврейского населения, уничтоженного оперативной группой «А» в ходе операции против евреев: Минск — 41.828 чел.

Примерное количество еще оставшихся евреев составляет 128.000 чел

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 945, л. 35. Перевод с немецкого.

г. Минск

9 марта 1942 г.

Командир Гофман приказал с 1 по 3 марта провести в Минске и Койданове большую акцию против русских евреев обоего пола. Для сохранения в тайне намеченного мероприятия юденрату было сообщено, что 5000 евреев из гетто будут «переселены», они должны быть отобраны юденратом и собраны для отправки, каждый из евреев мог взять с собой багаж весом в 5 кг. Подлинная задача, стоявшая перед начальником полиции безопасности и СД, была сохранена в тайне. Когда утром 1 марта 1942 г. гетто было окружено, ни

один еврей не был представлен юденратом к отправке. Поэтому были введены в действие команды для освобождения от евреев части гетто. Только после этого евреи были собраны и длинной колонной направлены на ст. Минск — Товарная. Многие не оставляли добровольно свои жилища либо постарались избежать отправки. По отношению к ним была применена сила, а некоторые из них были расстреляны на месте. После очистки гетто в домах и на улицах лежало много трупов, позже они были убраны. На станции люди были погружены в вагоны, которые затем были соединены в длинный состав, который был направлен в Койданово, местечко в 30 км юго-западнее Минска, по железной дороге Минск — Барановичи — Брест-Литовск.

На следующий день, 2 марта 1942 г., все подразделения полиции безопасности и СД направлялись для расстрела пассажиров поезда. Для акции вблизи Койданово было подготовлено много траншей. Вначале евреев выгрузили из вагонов, затем разделили на небольшие группы, и под охраной литовцев они были доставлены к траншеям. При этом применялась сила. Здесь им было приказано снять пальто и верхнее платье. Это было сделано для облегчения стрельбы. Затем евреям было приказано идти вдоль траншей, около которых стояли стрелки, вооруженные пистолетами. Команда стрелков насчитывала 10—20 человек. Каждый стрелок периодически выбирал себе жертву — при этом он приказывал человеку остановиться или останавливал его рукой. Если жертва находилась в удобной позиции, солдат стрелял ей в затылок. Если после выстрела человек не падал в траншею, его толкали в нее или вбрасывали туда.

Траншеи были столь широки, длинны и глубоки, что они, по меньшей мере, могли вместить многие сотни трупов.

Группы евреев, находившиеся вдали от траншей, слышали выстрелы и могли понять, что уже началась массовая экзекуция, жертвами которой должны были стать и они. Позже, когда они увидели траншеи и лежавшие в них трупы, по крайней мере взрослым, становилось ясно, что им предстоит. Многие бежали, кричали и плакали, большинство покорилося судьбе без воплей и причитаний. Врача, который должен был констатировать смерть, не было. Однако обращалось внимание на то, чтобы пристреливать тех, кто еще шевелился, или если возникало подозрение, что кто-то еще не был убит.

В этот день не удалось расстрелять всех людей. Поэтому экзекуция была продолжена 3 марта 1942 г. Всего было убито не менее 3 тысяч человек. Сколько из них было расстреляно 2-го марта и сколько 3-го марта — не было установлено, однако ясно, что было расстреляно не менее 1.000 человек.

Согласно сообщению № 178 от 9 марта 1942 г. во время акции,

проведенной в Минске – Койданово 2–3 марта 1942 г., было расстреляно 3.412 евреев.

...Проведенная 3.3.1942 г. в Минске акция против евреев дала повод городскому населению предполагать, что в последующие недели будут произведены еще более крупные акции против евреев по всей Белоруссии.

Федеральный архив Кобленца 9кс/62. Дела юстиции и нацистских преступлений. Т. 19. Текущий № 552. Ксерокопия. Перевод с немецкого.

16 мая 1942 г.

...Осмотр газовых автомобилей группы «Д» и «С» окончен. В то время как газовые автомобили первой серии могут использоваться и в плохую погоду, автомобили второй серии «Заурер» совершенно выходят из строя в дождливую погоду. Например, если они пробыли под дождем в течение получаса, то их нельзя использовать, потому что они буксуют. Эти автомобили можно использовать только при абсолютно сухой погоде. Вопрос заключается теперь в том, можно ли использовать газовый автомобиль тогда, когда он стоит на месте казни. Во-первых, его следует доставить к этому месту, что возможно только при хорошей погоде. Во-вторых, место казни обычно находится в 10–15 километрах от шоссе и к нему трудно добираться. В грязь или сырую погоду к нему вообще нельзя проехать. Если лиц, подлежащих уничтожению, перевозят или ведут к этому месту, то они быстро начинают сомневаться, что происходит, и начинают беспокоиться, чего следует избегать, насколько это возможно. Остается один только способ: грузить их на автомашины в одном пункте, а затем перевозить к месту казни.

Я приказал замаскировать автомашины «Д» под прицепы, приспособленные для жилья, приделав по одной паре оконных ставен с каждой стороны малого газового автомобиля и по две пары ставен на каждой стороне больших автомобилей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно видеть в сельской местности. Эти машины стали настолько хорошо известными, что не только власти, но и гражданское население называют эти автомобили «душегубками»...

...Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее шофер нажимает акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. Больше не приходится наблюдать искаженные лица и испражнения, как это было прежде.

Сегодня я продолжу мою инспекционную поездку и посету группу «Б», где я смогу получить дальнейшие сведения.

Из отчета унтерштурмфюрера СС доктора Беккера о состоянии газовых автомашин // Нюрнбергский процесс. В 8-ми томах. Т. 5, М., 1991. С. 646—648.

Вопросы и задания

- Определите характер и направленность действий оккупационных формирований и подразделений при проведении акций.
- Какие способы и методы уничтожения применяли нацисты в Минском гетто?
- Для чего использовались оккупационными органами газовые машины (душегубки)?

Справка Н.А. Коссого о массовом истреблении еврейского населения Минска

г. Гомель

24 марта 1944 г.

Немцы, оккупировав территорию Советской Белоруссии, приступили к последовательному и организованному истреблению еврейского населения, сопровождая истребление разнузданной антисемитской пропагандой. Во всех приказах, объявлениях и во всех действиях немецких оккупационных властей всячески поощрялись мероприятия, направленные против еврейского населения. Наихудшей формой издевательства над еврейским населением явилось так называемое гетто, установленное немцами во всех городах и местечках, где проживали евреи.

Приказом немецкого командования за подписью окружного комиссара г. Минска Кайзера в конце июля 1941 г. было создано гетто в г. Минске. Под гетто были отведены 36 улиц, в том числе улицы: Островского, Немига, Республиканская, Обувная, район Юбилейной площади, Нижнего базара и др. Этим приказом предусматривалось вокруг этого района воздвигнуть каменную стену с тем, чтобы еврейское население изолировать от внешнего мира. К концу июля 1941 года все еврейское население г. Минска было переселено в район гетто. Всего в гетто было сосредоточено свыше 80 тысяч евреев, а к сентябрю-октябрю 1941 г. уже насчитывалось свыше 100 тысяч человек. Район гетто был обнесен забором из колючей проволоки. Выходы и вход в гетто охранялись немцами и полицией. Кроме того, отдельные улицы внутри района гетто также были выгорожены и отделены одна от другой.

Населению был запрещен выход за пределы гетто, также как был запрещен вход жителям так называемого «русского района» в район гетто. На каждом углу улицы висели таблички с надписью на двух языках — белорусском и немецком: «Уступ не жыдам забаронен», «Айнгриф ниht юден ферботен».

Все население гетто обязывалось носить с правой стороны спеди и сзади отличительные знаки — желтую лату диаметром 10 см.

Но жителям города под угрозой репрессий запрещалось иметь какую бы то ни было связь с жителями гетто. Каждый житель гетто, появлявшийся в так называемом русском районе или лица не еврейской национальности, появившиеся в районе гетто, рисковали в лучшем случае быть избитыми, а в ряде случаев расстреливались. Жителям гетто не разрешалось ходить по тротуару, запрещалось посещать театр, кино, сады и др. общественные места.

Вот что по этому поводу показывает находившаяся в г. Минске тов. Батурина М.И. :

«С евреями запрещалось даже слово поговорить. Я, подойдя к гетто, за проволокой заметила свою подругу — Руманову с дочерью Цилей 14 лет. Я и она подошли к проволоке и расцеловались. Только начали с ней говорить, как нас заметил немец, который подбежал ко мне, иссек меня резиновой плеткой, погнал меня чуть ли не до половины Комсомольской улицы и все бил меня».

Еврейское население в гетто никакого продовольствия не получало. Все работавшие получали в день 200-граммов хлеба пополам с опилками и тарелку «баланды». Питались тем, на что обменивали свои вещи у крестьян через проволоку. Условия обмена были чрезвычайно трудные, так как охрана гетто не позволяла производить подобный обмен. Имел место ряд случаев, когда охрана избивала и даже расстреливала лиц, производивших обмен продуктов на вещи. Однако крестьяне подкрадывались к проволоке, договаривались об обмене, быстро передавали вещи и разбегались.

Лицам, находившимся в гетто, запрещено было вступать в брак. Один инженер радиозавода, еврей, за то, что женился, был публично расстрелян вместе с женой.

Немецкие оккупационные власти систематически накладывали контрибуцию на еврейское население г. Минска. ...Находившаяся в гетто Минска Рубинчик Хана Израилевна показывает следующее:

«Контрибуции накладывались на евреев очень часто. Каждый раз давался очень короткий срок для выполнения контрибуции. Для гарантии выполнения контрибуции каждый раз брали определенное количество заложников. Население гетто боялось постоянных угроз со стороны немцев и вносило золото, деньги и серебро. Но это было до поры до времени. Потом все запасы иссякли, и когда немцы почувствовали,

что действительно больше ничего нельзя вытянуть, они начали налагать контрибуции вещами. В порядке приказа было объявлено сдать все имевшиеся отрезы, все кожаные изделия, электроприборы, все меховые изделия, ковры и т.д. Потом каждый раз приходили с такими списками-заявками, что нужно собрать постельных принадлежностей 250 комплектов, простынь, одеяла (причем оговаривалось, что одеяла должны быть драповые), пододеяльники, подушки, скатерти, посуду и другую хозяйственную утварь. Примерно в конце октября 1943 г. был вывешен приказ об обязательной сдаче абсолютно всего, что есть в доме, оставив себе только смену постельного и смену нательного белья. Если в доме будет обнаружено что-нибудь из этих вещей, лица, которые должны были сдать эти вещи, будут расстреляны. Это было особенно тяжело потому, что люди жили за счет обмена вещей, и раз приходилось все сдавать, вставал вопрос — чем же питаться?»

Часто немецкие офицеры приходили в квартиры и забирали любые вещи. Брали белье мужское, женское, детское, забирали обувь. Обыски производились под видом того, что они якобы ищут оружие. Также забирали продукты питания. Так, прибывшая из города Минска тов. Езубчик Анна Андреевна показывает следующее:

«Каждую ночь в район гетто приезжали немцы на машинах, производили обыски, забирали все, что им понравится в квартире. Если кто-либо сопротивлялся, они убивали».

На территории гетто немцами была введена круговая порука. В апреле-мае 1942 г. кроме постоянных отличительных знаков, введенных для населения гетто в виде желтых лат, каждому жителю дома и квартиры были присвоены индивидуальные номера, которые должны были носиться ниже желтой латы. Если один из жильцов исчезал, то истреблялись все жильцы этой квартиры.

Как только немцы оккупировали Минск, они начали проводить плановое и систематическое истребление еврейского населения, в том числе стариков, женщин и детей. Истребление населения проводилось путем проведения массовых облав, ловли людей по улицам и увоза их в неизвестном направлении, откуда они больше не возвращались, проведением систематических ночных бандитских налетов в квартиры населения гетто, путем истощения и голодной смерти и проведением массовых погромов, при проведении которых были уничтожены и заживо погребены десятки тысяч ни в чем неповинных мирных жителей.

По вопросу о массовых облавах на население гетто тов. Рубинчик Х.И. показывает следующее:

«Немецкие оккупанты проводили систематические массовые облавы на территории гетто. По улицам и квартирам пускались группы немцев, которые ловили мужчин и отправляли их в неизвестном

направлении. Первая такая облава состоялась 7 августа 1941 г. В этот день было забрано 800 мужчин. Их взяли якобы на какие-то работы, но больше эти люди в гетто не вернулись».

...Немцы издевались над еврейским населением также на работе. Евреев разрешалось использовать исключительно на черных тяжелых работах, как-то: разборка разрушенных зданий, чистка железнодорожных путей, рытье ям, окопов, уборка города, чистка уборных и др., а очень часто евреи выполняли совершенно никому не нужные работы. Вырывали ямы и засыпали их снова. Нормы выработки устанавливались умышленно завышенные, тем более, что работавшие были истощены от голода. Лиц, не выполнивших нормы выработки, или которые, будучи истощенными, падали от изнеможения, избивали, а в ряде случаев расстреливали. Свидетельскими показаниями установлен случай, как немцы одного из работающих евреев, не выполнившего норму, заставили рыть себе могилу, причем, после того как он немного вырыл, они его заставляли ложиться, чтобы померить достаточно ли. Пока он вырыл могилу, они его заставляли несколько раз мерить, а затем его застрелили.

Находившийся в тот период в г. Минске тов. Казаченок Владимир Степанович показывает, что он сам наблюдал, как немцы избивали железным метром двух еврейских женщин за то, что они, обессилив, не могли выполнять порученную им работу.

...Немецкие оккупационные власти систематически проводили массовые погромы над еврейским населением. Установлено, что за 1941–42 гг. были проведены массовые погромы 7–8 ноября, 20 ноября 1941 г., 2 марта, 25–29 июля и в мае месяце 1942 года.

Первый массовый крупный погром состоялся 7–8 ноября 1941 года. 7-го ноября, в 5 час. утра гетто было оцеплено немцами и полицией с пулеметами. В район гетто направлялись вооруженные группы гитлеровцев в сопровождении литовцев и предателей-полицейских, снабженные топорами и ломami, которые начали ломать двери, окна. Эти бандиты врываются в дома, выгоняли жителей из домов полураздетыми и колоннами направляли на Хлебную улицу к автомашинам. Стариков-инвалидов и детей, не способных передвигаться, просто бросали в машины, а затем всех возили в Тучинку – в бараки, около которых были выкопаны глубокие ямы, и где их расстреливали из пулеметов и автоматов, детей бросали в ямы живыми, убивали путем сильного удара головой о борт машины, держа их за ноги, или ударяя одного ребенка о другого. По далеко не полным данным, в дни 7 и 8 ноября всего было уничтожено свыше 10 тысяч человек.

20-го ноября 1941 г. немцами был организован второй погром в гетто. В результате погрома 20-го ноября было расстреляно свыше 10 тысяч человек.

Третий массовый погром был проведен 2-го марта 1942 г. В этот день было расстреляно и уничтожено свыше 5 тысяч человек, в том числе около 300 детей из еврейского детдома, находившегося в гетто. О расстреле 300 детей из детдома показывает находившаяся в тот период в гетто очевидец Майзлес Е.П. следующее:

«Немецкие изверги имели задание в день 2 марта уничтожить пять тысяч жителей, оставшихся в гетто, которые не были заняты на работе, т.е. оставшихся дома стариков, женщин и детей. В связи с тем, что немцы взрослых, стариков и женщин пять тысяч человек не подобрали, они решили уничтожить 300 детей из еврейского детдома. Здесь были дети в возрасте от двух месяцев до 13 лет, родители которых погибли. Маленьких детей из дома не выводили, а пользуясь тем, что день был морозный, дети лежали на постелях, — каратели раскрыли окна, двери — и дети замерзли. Остальных детей и весь обслуживающий персонал детдома в количестве 26 человек загнали в руины сгоревшей обоевой фабрики и начали издеваться над ними. Детей брали за ноги и убивали ударом головы о стенку. Воспитателей и обслуживающий персонал детдома расстреляли. Из работников детдома в числе расстрелянных были бывш. директор санатория «Новинки» Гавронская, бывш. председатель облуправления Медсантруда Курлянд и зав. детдомом Флейшер. В этот день, т.е. 2 марта, по улицам валялось очень много трупов, которые затем были собраны и отвезены на место свалки. Там «еврейской дружине порядка», организованной немцами в гетто, были вручены винтовки, и эту картину зафотографировали для того, чтобы показать, что якобы расправу с евреями проводили сами же евреи.

2-го марта 1942 г. я лично наблюдала 8 фактов, когда матери душили своих детей, в связи с тем, что прятаться их с детьми прячущиеся не пускали, опасаясь, что дети своим криком их выдадут. Не желая отдавать детей на растерзание немцам, матери своими руками душили своих детей».

...В июле-августе 1942 г. немцы начали применять «душегубки» как средство истребления населения гетто. По этому поводу тов. Батурина М.И. показывает следующее:

«Я лично видела, как в июле-августе 1942 г. работали «душегубки». Одновременно работали 4 машины. В то время как трудоспособные находились на работе, которых в течение 5 дней не отпускали домой, в гетто прибывали немцы, которые расправлялись с детьми и стариками. Последних выгоняли на Юбилейную площадь и сажали в «душегубки». Машины были крытые, темно-зеленого цвета, без окон. Как только машина подходит, сейчас плетками и прикладами людей били, загоняли в машины или силой бросали в машины».

...Немецкие оккупационные власти усиленно разжигали национальную вражду и антисемитизм. Когда все мужчины г. Минска

были помещены в первые дни оккупации города в лагерь «Дрозды», немцы натравливали уголовников на евреев, они отбирали у последних пищу, которую им приносили жены, родственники или знакомые. Немцы заставляли евреев ползать вдоль веревки, заставляли их бегать на скорость до реки Свислочь и обратно.

Немцы усиленно пропагандировали среди населения, что евреи — это враги русского и белорусского народов, что они пользовались их трудом, пили их кровь, и призывали население помочь немцам уничтожить евреев. Немцы объясняли, что все беды, выпавшие на долю русского и белорусского населения, являются результатом деятельности евреев.

Несмотря на угрозы и репрессии, белорусское население оказывало помощь населению гетто обеспечением паспортами для проживания евреев за пределами гетто, скрывало их на квартирах, помогало в приобретении продуктов, определяло еврейских детей в детские дома и т.д.

См.: Холокост в Беларуси. 1941–1944. Док. и материалы / сост. Э.Г. Иоффе, Г.Д. Кнатько, В.Д. Селеменев. Минск: НАРБ, 202. С.192–202; АКГБ РБ, гр. 3, оп. 2, № 40.

Подлинник.

Вопросы и задания

- Каков характер ограничений, принуждения и уничтожения узников в гетто?
- Опишите события первых погромов в Минске.
- Какие основные свидетельства представлены бывшими узниками гетто о характере погромов и облав в гетто?
- Для чего оккупационными органами насаждались национальная вражда и антисемитизм?

Акт жителей города Минска о расстреле населения Арктической, Беломорской и других улиц в сентябре 1943 г.

г. Минск

7 июля 1944 г.

Мы, нижеподписавшиеся, жители гор. Минска: домохозяйка Кравченко Екатерина Григорьевна, работница скорняжной фабрики Красовская Елена Викентьевна, рабочий войлочной фабрики Нейман Николай Карлович и домохозяйка Келых Софья Григорьевна, составили настоящий акт о том, что в сентябре 1943 г. по приказу коменданта немцы забрали заложниками около 300 советских семей, проживающих по ул. Арктической, Беломорской и др. В 3 часа

Памятник жертвам Минского гетто. Площадь Юбилейная. Минск, 2008 г.

ночи немецкие патрули оцепили район этих улиц. Жителям предложили в 6 час. утра выйти на проверку. При проверке немецкие патрули отпустили семьи полицейских, а всех остальных на грузовых машинах увезли. Предчувствуя свою гибель, женщины с детьми на руках умоляли немцев остановить машины и разрешить передать детей встречным прохожим. Одна женщина пыталась выбросить из машины на руки проходивших мимо женщин своего ребенка. В урочище Тростенец уже заранее были приготовлены глубокие страшные ямы, к которым по одной подавались машины с людьми. В лесу раздавались выстрелы, слышались душераздирающие крики, мольбы о пощаде. Так были расстреляны взятые заложниками все 300 семей, а их имущество немцы забрали себе.

Подписи:

Кравченко Екатерина Григорьевна, Красовская Елена Викентьевна, Нейман Николай Карлович, Келых Софья Григорьевна.

Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии (1941-1944), Минск, 1965. С. 192,193.

Вопросы и задания

- Назовите причины и характер карательных операций и облав против населения города в сентябре 1943 г.?
- Какова судьба детей гетто?
- Для каких целей было обустроено место массового уничтожения – Тростенец? Каков его статус?

Транспортный график

Для депортированных евреев в период 8–28 ноября 1941 г. и 11 мая до 9 октября 1942 г. станцией назначения был определен Минск. Часть размещали в «зондергетто» Минского гетто, а некоторые эшелоны направлялись прямо в Тростенецкий лагерь смерти.

График депортаций евреев из Германии, Чехии и Австрии

город	отправление	прибытие	количество (чел.)
-------	-------------	----------	-------------------

1941

1. Гамбург	8.11.	11.11.	990
2. Дюссельдорф	10.11.	15.11.	993
3. Франкфурт-на-Майне		11.11.	1.042
4. Берлин	14.11.	18.11.	956
5. Брно	16.11.	21.11.	999
6. Гамбург и Бремен		18/19.11.	978 (408+570)
7. Вена		28.11.	1.001

1942

1. Вена	6.05.	11.05.	1.000
2. Вена	20.05.	26.05.	1.016
3. Рейх		26.05.	1.000
4. Вена	27.05.	1.06.	998
5. Вена	2.06.	9.06.	около 1.000
6. Вена	9.06.	13.06.	1.006
7. Терезиенштадт		13.06.	около 1.000
8. Кёнигсберг	24.06.	26.06.	770
9. Дахау		06.	
10. Терезиенштадт	14.07.	17 или 18.07.	1.000
11. Кёльн	20.07.	24.07.	1.164
12. Терезиенштадт	4.08.	10.08.	993
13.		1-15.08.	
14. Вена	17.08.	19.08.	около 1.000
15. Терезиенштадт		20.08.	около 1.000
16. Терезиенштадт	23.08.	25.08.	1000
17. Вена	31.08.	02.09.	около 1.000
18. Терезиенштадт		1.09.	около 1.000
19. Терезиенштадт	8.09.	10.09.	1000
20. Вена	14.09.	18.09.	около 1.000
21. Терезиенштадт	22.09.	25.09.	1.000
22. Вена	5.10.	7.10.	547

В 1941 г. направлено 7 транспортов в составе 6.959 человек,

В 1942 г. 20 транспортов количеством 19.494 человек.

Всего 27 транспортов в составе 26.453 человек.

8 транспортов из Германии (7.893 чел.).

11 транспортов из Австрии (9.568 чел.).

8 транспортов из Чехии (8.992 чел.).

Депортации в Минск можно представить в рамках 2 периодов 1941 и 1942 гг., которые делятся на 4 этапа. Первый — с 8 ноября по 28 ноября 1941 г., который характеризуется определением мест (Германия, Чехия, Австрия) из которых будет осуществляться полная депортация. Второй — с 6 мая по 9 июня 1942 г. — австрийский этап, третий — с 13 июня по 14 июля 1942 г. — чешский, и четвертый, завершающий, этап, самый продолжительный по времени и самый большой по количеству депортированных — с 20 июля по 5 октября 1942 г., как и первый, включает три государства.

Для перевозки в Минск использован маршрут через Волковыск спецпоездами по 1.000 чел. в каждом.

Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtsschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S.752, 758–759; Козак К. Депортированные евреи германии, Австрии и Чехии в Минском гетто: практика германского нацизма в Беларуси 1941–1944 гг. // Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 10 лістапада 2004 года. Мінск. Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мінск, 2005. С.109–164.

Камни памяти депортированным евреям из Германии и Австрии. Минск, 2009 г.

Вопросы и задания

- Назовите страны, из которых были депортированы евреи в Минское гетто?
- Определите периоды депортации евреев из Европы в Минск?
- Какие условия и маршрут использовали нацисты при транспортировке депортированных евреев?

Из справки начальника отдела

Белорусской республиканской комиссии содействия в работе ЧГК СССР Г.Л. Логинова о массовом истреблении гражданского населения в окрестностях Минска в 1941–1944 гг.

г. Минск

25 августа 1944 г.

<...>

Большой Тростенец, лес Благовщина. Обнаружено 34 ямы-могилы.

1. Длина ямы 34 м, шир[ина] 5 м, гл[убина] 3 м. В среднем в каждой яме похоронено 3.675 чел.

Люди, привезенные из Германии, Чехословакии, Австрии и др. государств.

В 34 ямах-могилах похоронено 150.000 чел.

Малый Тростенец, лагерь.

1. Обнаружен колхозный сарай, сожженный с людьми, в количестве 6500 чел. По подсчету и медицинскому определению.

Вблизи [деревни] Малый Тростенец обнаружена печь-крематорий.

По показаниям свидетелей, сожжено советских граждан за 1943 г. до прихода Красной Армии 50.000 чел.

Справку составил: Логинов

НАРБ, ф. 845, оп. 1, д. 63, л. 59. Подлинник.

Документ подписали в качестве членов комиссии: В.Н. Макаров (синим карандашом), М.Т. Лыньков (синими чернилами), К.К. Крапива (синими чернилами), И.М. Стельмашонок (синими чернилами), С.И. Зверев (синими чернилами), Г.Н. Машков (синими чернилами), В.М. Смольянинов (зеленым карандашом), В.Ф. Черваков (зеленым карандашом).

Копии документа хранятся НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 230, л. 1-8; ф. 845, оп. 1, д. 26, л. 41-45; д. 63, л. 1-5.

Протокол осмотра местности массовых захоронений в районе еврейского кладбища г. Минска

24 июля 1944 г.

Мною, врачом Мельниковой Евгенией Ивановной, в присутствии инженера-землеустроителя Минского ОблЗО Шафранского и местного жителя Иоффе произведен осмотр вышеуказанного места и обнаружено нижеследующее.

С южной и юго-западной стороны еврейского кладбища обнаружены 4 массовые могилы, расположенные при дороге, ведущей из центра г. Минска на урочище Тучинка, в 2-х метрах от дороги. Причем, три из них расположены параллельно дороге с юго-западной стороны и четвертая под углом к ним с южной стороны.

При обмере могилы оказались следующими:

первая могила длиной 18 метров и шириной 5 метров;

вторая могила длиной 14 метров и шириной 5,5 м;

третья могила длиной 15 метров и шириной 5,5 м;

четвертая могила длиной 18 метров и шириной 6 метров.

При обследовании ближайшей местности обнаружить другие могилы не представляется возможным, в виду застройки этой территории специальным сооружением. Наличие же других ям несомненно подтверждается свидетелями стройки, которые обнаруживали трупы в массовом количестве.

Государственный архив Минской области. Ф. 7021, оп. 87, д. 123, л. 85.

Памятник жертвам лагеря смерти Тростенец и погибшим при освобождении города Минска воинам Красной Армии. д. Большой Тростенец, 2009 г.

Памятник жертвам лагеря смерти Тростенец. Благовщина, 2009 г.

Памятник жертвам лагеря смерти Тростенец. Малый Тростенец, 2009 г.

Памятник на месте сожжения жертв нацизма в лагере смерти Тростенец. 2009 г.

Вопросы и задания

- Какие виды уничтожения практиковали оккупанты в Минске и Тростенце?
- Какая роль Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений германских оккупантов в период Великой Отечественной войны в сборе документальных свидетельств жертв нацизма в Беларуси?
- Назовите места массового захоронения Минского гетто и лагеря смерти Тростенец, состав и количество жертв?
- Назовите памятные знаки на местах массового уничтожения еврейского населения в Минске и Тростенце?

Подготовил к печати Кузьма Козак

Хронология событий

1 сентября 1939	начало Второй мировой войны
22 июня 1941	нападение Германии на СССР
28 июня	оккупация Минска
19 июля	приказ коменданта о создании в Минске одного из наиболее крупных гетто в Европе
7–8 ноября	акция массового уничтожения в Минском гетто
11 ноября	прибытие первого эшелона с депортированными евреями из Гамбурга (Германия)
18 ноября	прибытие в Минское гетто эшелона с депортированными евреями из Вены (Австрия)
20 ноября	акция массового уничтожения в Минском гетто
21 ноября	прибытие в Минское гетто эшелона с депортированными евреями из Брно (Чехия)
2 марта 1942	акция массового уничтожения в Минском гетто
31 марта	
3, 15, 23 апреля	ночные погромы в Минском гетто
май	начало массового уничтожения жертв Минского гетто в лагере смерти Тростенец
	применение душегубок в Минском гетто
23 мая, 28–31 июля	акции массового уничтожения в Минском гетто
7 октября	прибытие последнего эшелона с депортированными евреями из Вены в лагерь Тростенец
21–23 октября 1943	ликвидация последнего на территории Беларуси Минского гетто
3 июля	освобождение от германской оккупации Минска, лагеря смерти Тростенец
28 июля 1944	освобождение Беларуси от германской оккупации
август 1946	открыт на «Яме» первый памятник евреям Минского гетто – жертвам нацистской тирании, акции массового уничтожения, проведенной 2 марта 1942 г.
3 ноября 1965	первыми в Беларуси высокого звания Праведник народов мира были удостоены Андрей Николаев и его супруга Наталья Станько
1992	зарегистрирована Белорусская ассоциация евреев бывших узников нацистских концлагерей.
1999	создан Белорусский фонд «Холокост»
20 октября 2000	открытие Мемориального комплекса «Яма»

2001	открытие в Беларуси первого памятника Праведникам народов мира д. Поречье Пуховичского района Минской области
21 марта 2003	открытие Исторической мастерской Минского образовательного центра имени Йоханнеса Рау
20 октября	проведение первой в истории Беларуси Международной научно-практической конференции о трагедии Минского гетто
26 июня 2008	открытие памятника депортированным евреям из Кельна и Бона
20 октября	открытие памятника жертвам Минского гетто в Тучинке
20 октября	открытие памятника жертвам Минского гетто на месте гибели 5,5 тыс. жертв белорусских и депортированных евреев из Европы
20 октября	открытие памятника жертвам Минского гетто на Юбилейной площади
20 октября	посещение Мемориального комплекса «Яма» Президентом Республики Беларусь
20 марта 2009	проведение первой в Беларуси Международной научно-практической конференции о Праведниках народов мира Беларуси
25 июня	открытие памятника депортированным евреям из Берлина
26 октября	открытие памятника депортированным евреям из Вены
3 ноября	проведение Дня памяти Праведников народов мира Беларуси

Подготовил к печати Кузьма Козак

Основные термины

Айнзацгруппы — мобильные военные террористические подразделения для ликвидации военнопленных, еврейского населения и политических противников режима (советских функционеров и коммунистов) путем сожжения деревень и угона населения на работы в Германию; формировались из войск СС, полиции безопасности и СД. Айнзацгруппа «Б» в составе зондеркоманд 7 и 76 следовала за группой армий «Центр» и осуществляла акции террора в Беларуси и Смоленской области. После разгрома Германии 22 руководителя айнзацгрупп были переданы суду американского военного трибунала в Нюрнберге, 14 подсудимых приговорили к смертной казни, а остальных — к различным срокам заключения.

Аушвиц (Освенцим) — один из самых крупных лагерей уничтожения еврейского населения Европы. За годы существования с 1940 по 1945 гг. в нем было уничтожено 1,1 млн. из 1,4 млн. депортированных для уничтожения. Среди таковых 25 тыс. поляков, 15 советских военнопленных, около 6 тыс. гражданского населения из Беларуси.

Батальон Дирлевангера — особое террористическое формирование СС, созданное по личному указанию Гитлера, укомплектованное из уголовников и привлеченных коллаборантов. Отличался особой жестокостью в кровавых расправах с мирным советским населением. Командовал батальоном Дирлевангер.

Ванзейская конференция, 20 января 1942 г. Совещание руководителей НСДАП и государственных деятелей Германии в Ванзее близ Берлина, где было принято решение о координации деятельности по осуществлению «окончательного решения еврейского вопроса», обсуждались различные способы физического уничтожения 11 млн. евреев Европы и Советского Союза.

Генеральный округ Белоруссии (генеральный комиссариат) — административно-территориальная единица, введенная немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории БССР. Входил в состав так называемого «рейхскомиссариата Остланд». В генеральный округ Белоруссии, разбитый на округа (гебиты), были включены Барановичская, часть районов Минской, Вилейской, Брестской, Пинской обл. Во главе генерального округа Белоруссии, административным центром которого являлся гор. Минск, был поставлен один из главарей нацистской партии В. Кубе. Этот палач белорусского народа был убит минскими подпольщиками в сентябре 1943 г.

Геноцид (греч., *genos* — род, племя, и латин. *caedo* — убиваю) — уничтожение особых групп населения по расовым, национальным, этническим, политическим или религиозным мотивам, включая создание невыносимых условий жизни, меры по предотвращению рождаемости. Тягчайшее преступление против человечества, в 1948 г. была принята конвенция ООН «О предупреждении геноцида и наказание за него». Понятие геноцида стали использовать после Второй мировой войны, когда нацисты осуществляли массовое уничтожение еврейского населения. На оккупированной территории Белоруссии было убито около 3 млн. советских граждан.

Гестапо (нем., *Gestapo* — *Geheime Staatspolizei*) — государственная тайная полиция с широкими карательными функциями, создана в апреле 1933 г., главные руководители: Гиммлер, Гейдрих, Кальтенбруннер, Мюллер: занималась предварительными расследованиями (с применением изощренных пыток), организацией и управлением концлагерей, осуществляла массовые аресты и истязания мирных жителей, активно участвовала в геноциде евреев; после разгрома Германии в 1945 г. признана преступной организацией и распущена.

Гетто (итальян. *ghetto*) — часть территории города, отведенная для преимущественного поселения определенной расовой, национальной, профессиональной или религиозной группы населения, чаще всего евреев. В средние века гетто существовали во многих городах Западной Европы и мусульманского Востока. В период Второй мировой войны нацисты создали в Германии и ряде других стран Европы концлагеря под видом гетто для изоляции и последующего уничтожения евреев.

«Душегубки» — специально оборудованные закрытые автомобили, в которых каратели уничтожали людей выхлопными газами.

Еврейская полиция — внутренняя служба порядка в гетто, состоящая из узников гетто. В ряде случаев их вооружали для выполнения задания палками.

Еврейский совет (еврейский комитет) — исполнительный орган, созданный фашистами из евреев гетто, который занимался организацией рабочих команд, мастерских, обслуживающих нужды германской армии, сбором денежных средств и ценных вещей для оккупантов.

«Малина» — обустроенные на территории гетто в домах проживания или недалеко от них — места для временного укрытия узников гетто во время акций массового уничтожения еврейского населения оккупационными органами. Как правило такие места спасения были рассчитаны на количество от 1 до 30 человек. Наиболее известным из таких мест Минского гетто значится обустроен-

ный бывшими узниками подвал на улице Сухой. Там на протяжении 8 месяцев пряталось 26 человек. Из них 13 умерло.

«Окончательное решение» (нем. — Endlösung) — словосочетание, введенное в употребление лидерами нацистской Германии с мая 1941 г. для обозначения плана физического уничтожения евреев Восточной Европы.

Оккупация — вооруженный захват территории другого государства.

«Особая обработка» — термин, использовавшийся нацистами в документах, при проведении мероприятий по уничтожению мирного населения, ликвидации гетто, транспортировке в лагеря смерти.

Отличительный знак — символ, к ношению которого принуждали евреев для их выделения из остального населения, начиная с эпохи средних веков. В годы Второй мировой войны нацисты обязали евреев захваченных ими стран к обязательному ношению чаще всего желтого Маген-Давида с вписанной в него буквой «J» или словом «Jude». В Белоруссии евреи должны были носить белую или желтую нарукавную повязку с шестиконечной звездой, желтый треугольник или круг диаметром не менее 10 см. Так была достигнута полная изоляция евреев от местного населения, служившая планам тотального истребления.

План «Ост» — фашистский план массового истребления славянских народов, разработанный главным управлением имперской безопасности во главе с Гиммлером. В плане предполагалось истребление, выселение и разобщение славянских народов, уничтожение их государственной самостоятельности и национальной культуры, превращение оставшегося населения в рабов немецких капиталистов и помещиков с целью окончательного утверждения политического и экономического господства германского империализма на захваченных славянских территориях.

Праведники народов мира — почетное звание, присуждаемое людям, спасшим в годы второй мировой войны одного или нескольких евреев с риском для своей жизни. Эти люди и их дети имеют право ходатайствовать о предоставлении им израильского гражданства, а сами спасители — о пожизненной персональной пенсии. Комиссию по присвоению звания Праведника возглавляет председатель Верховного суда Израиля, а работу координирует (с 1962 г.) специальный отдел в Яд Вашем.

СС (нем., Schutzstaffel) — служба безопасности рейхсфюрера СС, политическая служба безопасности нацистской партии, пронизывала все сферы жизни в Германии и на оккупированных территориях, СД играла ведущую роль в разработке плана «Ост», осуществ-

лении плана «Барбаросса», в мае 1941 г. были созданы 4 айнзацгруппы, подчиняющиеся командованию армий Восточного фронта, для проведения массового уничтожения мирного населения, главным образом евреев; после разгрома Германии в 1945 г. СД была признана преступной организацией, упразднена и объявлена вне закона.

Тростенец — лагерь смерти в 10 км от Минска, на территории которого в Благовщине, Шашковке и Малом Тростенце было убито более 206,5 тыс. евреев из Беларуси, а также Германии, Австрии и Чехии. Здесь же уничтожали партизан и подпольщиков, военнопленных и захваченных во время массовых облав.

Юденрат (нем., Judenrat) — еврейский совет гетто, состоял из людей, игравших в прошлом определенную роль в жизни общины, главная задача — контакты с властями, снабжение узников продовольствием, обеспечение медицинской и социальной помощью, организация принудительных работ и составление списков для депортации в лагеря уничтожения. В Беларуси юденраты существовали в гетто Минска, Бреста, Гродно, Белостока, Витебска и ряда других городов; на последнем этапе члены юденрата и еврейской полиции гетто, которой он ведал, подлежали ликвидации.

«Яма» — мемориальный комплекс на месте акции массового уничтожения около 5 тыс. евреев Минского гетто. Открыт в 2000 г. и состоит из обелиска, установленного в 1946 г., и скульптурной группы (скульпторы: А. Финский, Э. Поллак, архитектор — Л. Левин).

Подготовил к печати Кузьма Козак

Список публикаций по истории Холокоста в Беларуси

Издания Исторической мастерской

Воспоминания

1. **Гальперина Р.** Как это было... Выживание. Жизнь. Надежда. Выпуск третий. Отв. ред. **К.И. Козак.** Минск, 2006. – 129 с.
2. Жива... Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и док. / сост. **М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман.** Выпуск второй. Отв. ред. **К.И. Козак.** Минск, 2005. – 258 с. + 26 с.: ил.
3. **Завольнер Г., Гальперина Р.** Спасенные из ада. Жизнь и судьба. Выпуск первый. Отв. ред. **К.И. Козак.** Минск, 2004. – 136 с.
4. **Кроз В., Чаусская-Ильяшова З.** Навечно в памяти: Минское гетто – и жизнь, и слезы, и любовь... Выпуск шестой. Отв. ред. **К.И. Козак.** Минск, 2007. – 70 с.
5. **Трейстер Михаил.** Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedchtnis. Erinnerungen, Überlegungen, Publikationen. Выпуск четвертый. Отв. ред. **К.И. Козак.** Минск, 2007. – 242 с.

История, актуальные вопросы изучения Холокоста

6. Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. Сборник научных работ. Сост. и ред. **Я.З. Басин.** Минск, 2005. – 306 с.
7. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское сопротивление, репатриация детей из Германии / сост.: **З.Д. Никодимова;** под ред. **К.И. Козака.** Минск, 2010. – 150 с.
8. Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. Матэрыялы міжнар. навук.-практыч. канф. 2 ліпеня 2004 г., Мінск. Адк. рэд. **В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак.** Мінск, 2005. – 306 с.
9. Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца): Матэрыялы Міжнар. навук. канф., 25 – 27 крас. 2002 г., Мінск / Адк. рэд. **К.І. Козак, А.М. Літвін, У.Н. Сідарцоў.** Мінск, 2003. – 279 с.
10. Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў. Матэр. міжнар. навук. сем. 1 вер. 2003 г., Мінск. Адк. рэд. **В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак.** Мінск, 2004. – 208 с.
11. Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канфэрэнцыі 4 сакавіка 2005 года, Мінск. Адк. рэд. **В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак.** Мінск, 2006. – 244 с.

12. Идти по грани... Архитектура как мост между прошлым и настоящим в творчестве Леонида Левина. Под ред. Астрид **Зам.** Минск, 2008. – 66 с.
13. Известная «Неизвестная». Сборник материалов. Сост. и ред. Я.З. **Басин.** Минск, 2007. – 138 с.
14. Лагер смерці Трасцянец 1941–1944 гг.: памяці ахвяр нацызма ў Беларусі. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 10 лістапада 2004 года. Мінск. Адк. рэд. **В.Ф. Балакіраў,** **К.І. Козак.** Мінск, 2005. – 316 с.
15. Мінскае гета 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэр. міжнар. навук. канф. 24 кастр. 2003 г., Мінск. Адк. рэд. **В.Ф. Балакіраў,** **К.І. Козак.** Мінск, 2004. – 208 с.
16. Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы для Беларусі Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 7 мая 2005 года, Мінск. Адк. рэд. **В.Ф. Балакіраў,** **К.І. Козак.** Мінск, 2006. – 256 с.
17. Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси / составители: **Козак К.И., Крапина М.И.** [и др.]. Под ред. **Балакирева В.Ф., Козака К.И.** Минск, 2009. – 292 с.
18. **Хеккер** Клара. Немецкие евреи в Минском гетто. Отв. ред. **К.И. Козак.** Пер. с нем. **Г.А. Скакун.** Минск, 2007. – 154 с.

Другие издания по истории Холокоста в Беларуси

Воспоминания

19. **Давыдова Г.Р.** От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: Док. повесть. Минск: Четыре четверти, 2000. – 232 с.: ил.
20. **Левина-Крапина М.И.** Трижды рожденная. Воспоминания бывшей узницы Минского гетто. Минск: Змицер Колас, 2008. – 148 с.
21. **Марголина С.М.** Остаться жить. – Минск: Натако, 1997. – 67 с.
22. **Смоляр Г.** Мстители гетто. Перевод М. Шамбадал. Москва: Дер Эмес, 1947. – 128 с.

Документы и материалы

23. **Ботвинник М.** Памятники геноцида евреев Беларуси. – Минск: Бел. навука, 2000. – 326 с.
24. Выжить – подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / сост., предислов.: **И.П. Герасимова,** **В.Д. Селеменев.** Минск: НАРБ, 2008. – 166 с.: ил.
25. История Холокоста на территории Беларуси: Библиограф. указ. / Сост. **И. П. Герасимова,** **С. М. Паперная.** Витебск: Витебская областная типография, 2001. – 104 с.

26. Когда слова кричат и плачут: Дневники Ляли и Берты Брук. / вступ. Ст. Л.М. Левин; подг. к публ., коммент., предисл. И.П. Герасимова. Минск: Асобны дах, 2004. – 76 с.
27. «Нацистское золото» из Беларуси: Документы и материалы. / сост. В.А. Адамушко, Г.Д. Княтько и др. Минск: НАРБ, 1998. – 414 с.
28. Праведники народов мира Беларуси / сост. И.П. Герасимова, А.Л. Шульман. Минск: ОДО «Тонгпик», 2004. – 164 с.
29. Холокост в Беларуси. 1941–1944. Док. и материалы. / сост.: Э.Г. Иоффе, Г.Д. Княтько, В.Д. Селеменев. Минск: НАРБ. 2002. – 276 с.
30. Judenfrei! Свободно от евреев!: История мин. гетто в док. / [Авт.-сост. Р. А. Черноглазова]. – Минск: Асобны дах, 1999. – 395 с.

Зарубежные издания:

31. **Bauer K.** Gedächtnisprotokoll. Ein Prozeß in Minsk. Bonn, 1990.
32. Deportation Bremer Juden nach Minsk. Gedenkveranstaltung aus Anlaß des 49. Jahrestages der Deportation Bremer Juden am 18. November 1941 in die NS-Vernichtungslager bei Minsk. Mit Beiträgen von **H. Albertz, K. Wedemeier** u.a..Bremen, 1990.
33. **Corbach D.** 6.00 Uhr ab Messe Köln – Deutz Deportationen 1938–1945. Köln, 1994.
34. **Curilla W.** Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weissrußland 1941–1944. Padeborn, 2006.
35. »Existiert das Ghetto noch?« Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft. Berlin, 2003.
36. **Gartenschläger U.** Die Stadt Minsk während der deutschen Besetzung (1941–1944). Dortmund, 2001.
37. Hamburger jüdische Opfer des Nationalsozialismus. Gedenkbuch. Hamburg, 1995.
38. **Kohl P.** Das Vernichtungslager Trostenez: Augenzeugenberichte und Dokumente. Dortmund, 2003.
39. **Loewenstein K.** Minsk, im Lager der deutschen Juden. Bonn, 1961.
40. Orte der Vernichtung in Belarus: die Geschichte des Vernichtungslagers Trostenez und des Ghettos Minsk. Dortmund, 2003.
41. **Rosenberg H.** Jahre des Schreckens. ...und ich blieb übrig, das ich Dir's ansage. Göttingen, 1985.

Подготовил к печати Кузьма Козак

Ответственный за выпуск Кузьма Козак

Автор фотографий по истории памятных мест Минского гетто

Кузьма Козак,

*Фотографии: Михаила Трейстера выполнена Ириной Зубовой;
Надежды Соловьёвой представлены из семейного архива Соловьё-
вых;*

*по истории Минского гетто ? из Белорусского государственного
архива кинофотофонодокументов.*

*Документы, карты, тексты воспоминаний хранятся
в архиве Исторической мастерской ММОЦ имени Йоханнеса Рау*